

СБОРНИКЪ

ГЕОГРАФИЧЕСКИХЪ, ТОПОГРАФИЧЕСКИХЪ и СТАТИСТИЧЕСКИХЪ

МАТЕРІАЛОВЪ ПО АЗИИ.

ВЫПУСКЪ LXX.

Очерки Шугнана, составилъ военный инженеръ капитанъ **Серебренниковъ**.
Дневникъ путешествія по Монголіи и Тибету въ 1891 и 1892 годахъ
Вильяма Вундвилья Рокхила. Вашингтонъ. 1894 г., извлечение составилъ
Котвичъ. Освобожденіе Читрала, извлечение капитана Генер. Шт. **Миллеръ**.
Четыре записки полковника Р. Сендемана объ афганскихъ и белуджи-
станскихъ дѣлахъ (1886—1891), извлечение Генер. Штаба полковника
графа **Муравьева-Амурскаго**. Афганскій эмиръ и Кафиристанъ. Значеніе
Башгульской военной дороги, составилъ Генер. Шт. полковникъ **Ермоловъ**.
Переписка о дѣйствіяхъ афганцевъ въ Кафиристанѣ, извлечение Генер.
Штаба подполк. **Ванновскаго**. Императорскій каналъ, извлечение Генер.
Штаба подполк. графа **Муравьева-Амурскаго**. О населеніи Китая, извлечение
Генеральнаго Штаба подполковника **Ванновскаго**.

Изданіе Военно-Ученаго Комитета Главнаго Штаба.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Военная Типографія (въ зданіи Главнаго Штаба).
1896.

ОЧЕРКИ ШУГНАНА.

Составилъ военный инженеръ, капитанъ *Серебренниковъ*.

I.

Замѣтки о состояніи путей сообщенія въ Шугнанѣ.

Прежде чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію путей сообщенія въ Шугнанѣ, необходимо оговориться, что въ предѣлахъ этой страны совсѣмъ нѣтъ дорогъ, если не считать таковыми неразработанныя узенькія горныя тропы, которыя то и дѣло теряются или въ заросляхъ тальника, облепихи и шиповника, гдѣ не всегда удобно ѣхать верхомъ и приходится спѣшиваться, или въ массѣ камней, оторвавшихся отъ сосѣдней скалы и беспорядочно нагроможденныхъ одинъ на другой, или, наконецъ, при переправахъ въ бродъ черезъ глубокія и быстрыя горныя рѣчки, протекающія большею частью въ крутыхъ берегахъ.

Для сужденія о состояніи путей сообщенія въ Шугнанѣ здѣсь будетъ приведено краткое маршрутное описаніе пути, начиная отъ Поста Памирскаго, расположеннаго почти въ центрѣ Памирскаго Нагорья на правомъ берегу рѣки Мургаба, при сліяніи рѣкъ Акъ-Су и Акъ-Байтала, сначала до вершины перевала Кой-Тезекъ, а затѣмъ отдѣльно по Шахъ-Дарѣ и по Гунту вплоть до крѣпости Кала-и-Баръ-Пянджъ, столицы ханства, расположенной на лѣвомъ берегу рѣки Аму-Дарьи, носящей въ этихъ частяхъ названіе Пянджа.

Одновременно съ описаніемъ собственно пути между указанными выше пунктами, здѣсь будутъ приведены не лишеныя общаго интереса и имѣющія важное значеніе въ смыслѣ движенія войскъ свѣдѣнія о подножномъ кормѣ, топливѣ и водѣ какъ на мѣстахъ остановокъ, такъ и вообще на всемъ пути, свѣдѣнія

о количествахъ жизненныхъ припасовъ, которые можно разсчитывать добыть въ данной мѣстности, а также о народонаселеніи и о размѣрѣ той помощи, какую населеніе можетъ оказать войскамъ при переносѣ тяжестей черезъ особенно труднопроходимыя мѣста и броды и при исправленіи дорогъ.

При этомъ заранѣе обращается вниманіе на то, что первая половина пути, т. е. отъ Поста Памирскаго до вершины перевала Кой-Тезекъ, представляетъ несравненно меньше трудностей для движенія въ смыслѣ преодоленія препятствій, чѣмъ вторая, т. е. въ предѣлахъ Шугнана по рѣкамъ Шахъ-Дарѣ, или Гунту, но за то первая половина пролегаетъ по мѣстности совершенно пустынной, почти совсѣмъ не населенной, съ суровымъ климатомъ, съ бѣдной растительностью, съ значительно разрѣженнымъ воздухомъ, затрудняющимъ движеніе людей и животныхъ, тогда какъ вторая половина пути пролегаетъ по мѣстамъ болѣе или менѣе культурнымъ и населеннымъ, съ климатомъ умѣреннымъ, съ растительностью разнообразной, а подъ конецъ даже роскошной и съ значительно меньшею абсолютною высотой, благодаря чему воздухъ не такъ разрѣженъ и движенія становятся уже незатруднительными.

I. Отъ Поста Памирскаго до вершины перевала Кой-Тезекъ.

1) Отъ Поста Памирскаго до устья рѣчки Бозъ-Джилла—30 верстъ.

Постъ Памирскій расположенъ въ мѣстности, абсолютная высота которой достигаетъ до 11,850 футовъ. Мѣстность пустынная. Часто дуютъ сильные вѣтры съ пылью и вообще климатъ суровый даже лѣтомъ. Подножный кормъ имѣется въ достаточномъ количествѣ, хотя качества онъ не высокаго.

Топливо—травы-кустарники „терскенъ“ имѣется въ разстояніи не превышающемъ 4—5 верстъ въ достаточномъ количествѣ.

Вода непосредственно близъ поста немного болотистая, а разстояніе до рѣки Мургаба около $\frac{3}{4}$ версты. Мѣстныхъ жителей, киргизовъ, по близости почти совсѣмъ нѣтъ за исключеніемъ должностныхъ лицъ (волостной, казій и аминъ) и ихъ семействъ, которыя кочуютъ верстахъ въ 8—15 отъ поста.

На посту имѣются постройки, достаточныя для размѣщенія въ нихъ 2 роты, имѣются кухня и пекарня, а также баня и пріемный покой для больныхъ.

Постъ Памирскій—это единственный въ настоящее время пунктъ на всемъ Памирѣ, гдѣ войска могутъ пользоваться помѣщеніемъ не въ палаткахъ, баней и свѣжимъ хлѣбомъ, а не сухарями.

Сначала дорога идетъ по правому берегу рѣки Мургаба (Мургъ-Объ) и въ 8 верстахъ отъ Памирскаго Поста пересѣкаетъ названную рѣку немного выше урочища Мазаръ-Шаджанъ, близъ котораго зимовалъ первый отрядъ въ 1892—1893 г.г.

Переправа въ бродъ.

Глубина брода сильно измѣняется въ зависимости отъ времени года и степени таянія снѣга въ ледникахъ горъ.

Такъ, напримѣръ, 19 іюля 1894 года вода въ этомъ мѣстѣ доходила до потника сѣдла, 24 августа вода доходила только до стремени, а въ концѣ сентября на столько спала, что была немного выше колѣна.

Дно ровное, безъ крупныхъ камней и не топкое, а теченіе въ этомъ мѣстѣ не быстрое.

Въ общемъ бродъ удобный, но по временамъ, въ самое жаркое время лѣта, когда таяніе снѣга идетъ энергично, бродъ становится настолько глубокимъ и теченіе настолько быстрымъ, что переправа дѣлается затруднительной, если не совсѣмъ невозможной.

Во всякомъ случаѣ, переправа эта отнимаетъ нѣсколько лишнихъ часовъ и не обходится безъ болѣе или менѣе значительныхъ несчастій—потопленія вещей, оружія, патроновъ и т. п., въ виду чего было бы крайне полезно снабжать наши отряды разборчатыми мостами и складными лодками, перевозимыми на вьюкахъ, такъ какъ за неимѣніемъ на мѣстѣ лѣсныхъ матеріаловъ не представляется возможнымъ устраивать даже временные мосты и приходится ограничиваться лишь пособіемъ верблюдовъ, на которыхъ переправляются особенно цѣнные вещи, боящіяся подмочекъ, а большую же часть грузовъ перевозятъ на лошадяхъ.

Затѣмъ дорога идетъ по лѣвому берегу до горы Аралъ-Тау, гдѣ она сворачиваетъ влѣво и, сдѣлавъ небольшой подъемъ и

*

спускъ, выходить въ долину рѣчки Кара-Су, впадающей въ Мургабъ. Здѣсь имѣется небольшая площадь, покрытая чахлыми кустами тальника и травой, благодаря чему это мѣсто вполне пригодно для остановки. Постепенно поднимаясь вверхъ по теченію этой рѣчки, то проходя по руслу ея, то поднимаясь на крутые берега, дорога доходить до устья рѣчки Бозъ-Джилга, впадающей въ Кара-Су съ лѣвой стороны.

Неподалеку находится такъ называемый рабатъ, представляющій изъ себя четырехугольную постройку, покрытую куполомъ изъ глины и назначенную для остановки путниковъ.

Рабатъ можетъ вмѣстить не болѣе 15—20 человѣкъ.

Около рабата есть дворъ для вьючныхъ лошадей.

На всемъ протяженіи этого перехода дорога ровная, хорошая и только въ 3—4 мѣстахъ необходимо сдѣлать легкіе спуски и подъемы, чтобы могла идти даже полевая артиллерія.

Для вьюковъ же здѣсь не представляется никакихъ затрудненій, если не считать переправу.

2) *Отъ устья рѣчки Бозъ-Джилга до урочища Чатыръ-Ташъ 48 верстъ.*

Мѣстность около устья Бозъ-Джилги сухая, ровная и довольно удобная для расположенія войскъ.

Вода, подножный кормъ и топливо имѣются въ достаточномъ количествѣ и во всякое время года.

Кочевниковъ по близости нѣтъ.

Дорога сначала идетъ по правому берегу рѣчки, вскорѣ сворачиваетъ влѣво и выходитъ на урочище Камаръ-Утекъ, находящееся въ 4—5 верстахъ.

Здѣсь дорога круто поворачиваетъ направо, идетъ на протяженіи 6 верстъ прямо на западъ, а потомъ опять круто поворачиваетъ почти на югъ, начинаетъ подниматься на перевалъ Найза-Ташъ, постепенно уклоняясь къ юго-западу, и достигаетъ вершины этого перевала черезъ 14 верстъ послѣ послѣдняго поворота.

Такимъ образомъ вершина перевала Найза-Ташъ находится почти на половинѣ этого перехода. Подъемъ и спускъ на перевалъ Найза-Ташъ, имѣющій высоту болѣе 14,000 футовъ надъ

уровнемъ моря, настолько широкій и пологій, что возможно не только движеніе полевой артиллеріи, но даже и арбъ и обоза.

Верстахъ въ 18 далѣе вершины перевала дорога подходитъ къ камню, носящему названіе „Чатырь-Ташъ“, что значитъ „шатеръ-Камель“, находящемуся посрединѣ долины рѣки Аличура и дѣйствительно похожему, особенно издали, на шатеръ.

Затѣмъ дорога идетъ далѣе по долинѣ Аличура на протяженіи 6 верстъ и доходитъ до мѣста остановки, находящагося на правомъ берегу рѣки.

Въ первой половинѣ перехода до перевала Найза-Ташъ вода, топливо и трава встрѣчаются рѣдко, а вода даже и не во всякое время года.

Во второй же половинѣ, особенно въ концѣ ея, трава и топливо встрѣчаются чаще, а вода всегда имѣется, только послѣдніи 8—10 верстъ, т. е. послѣ спуска дороги въ долину Аличура.

3) *Отъ Чатырь-Таша до урочища Бузалья-Джаръ 30 верстъ.*

Близъ Чатырь-Таша стоянка удобна во многихъ отношеніяхъ: имѣется подножный кормъ въ достаточномъ количествѣ, воды много повсюду, а также имѣется и топливо поблизости кизякъ, а нѣсколько далѣе терескенъ.

Неподалеку, въ долинѣ Аличура кочуютъ киргизы аличурскаго аминства и потому всегда можно разсчитывать достать у нихъ различные молочные продукты, барановъ, отчасти даже перевозочныя средства въ видѣ верблюдовъ и юрты.

Мѣстность повсюду немного болотистая, особенно ближе къ берегамъ Аличура, но не настолько, чтобы это обстоятельство могло дурно отозваться на здоровьи людей.

Въ долинѣ рѣки Аличура почти всегда дуютъ вѣтры, преимущественно вверхъ по долинѣ и большею частью холодные, вслѣдствіе чего возможность достать поблизости юрты приобретаетъ особенное значеніе.

Перейдя близъ мѣста стоянки на лѣвый берегъ рѣки Аличура, дорога проходитъ далѣе у самыхъ подножій горъ лѣваго берега долины, причемъ движеніе на протяженіи около 6 верстъ до устья рѣки Башъ-Гумбезъ вполне удобное даже для полевой артиллеріи.

Устье этой рѣки болотистое, топкое, такъ что необходимо огибать его, поднимаясь по предгорьямъ вверхъ по теченію ея, а затѣмъ спускаясь внизъ къ мазаркамъ, расположеннымъ на лѣвомъ берегу.

Переправы въ бродъ черезъ рѣки Аличуръ и Башъ-Гумбезъ въ нѣкоторое время года бываютъ затруднительны благодаря глубинѣ воды, быстротѣ ея теченія и топкости дна.

Затѣмъ дорога продолжаетъ идти по лѣвой сторонѣ долины рѣки Аличура, постепенно удаляясь отъ названной рѣки.

Движеніе для вьюковъ вполне удобное, а въ большей части мѣстъ можетъ идти даже полевая артиллерія.

Миновавъ мазаръ Абханъ, дорога выходитъ къ рѣкѣ Шегембетъ, на лѣвомъ возвышенномъ берегу которой расположенъ рабатъ Бузала, построенный нѣсколько лѣтъ тому назадъ и могущій вмѣстить не болѣе 10—15 человекъ.

Послѣднія $1\frac{1}{2}$ —2 версты дорога проходить по мѣстности слегка холмистой, болотистой и кочковатой.

Въ солончаковомъ грунтѣ часто встрѣчаются трещины, иногда довольно широкія и глубокія, затрудняющія движеніе.

На всемъ переходѣ можно разсчитывать достать воду, подножный кормъ и топливо.

4) *Отъ урочища Бузала-Джаръ до соединенія долинъ рѣчекъ Кой-Тезекъ и Илыкъ-Утэкъ 45 верстъ.*

Рабатъ на урочищѣ Бузала-Джаръ, около котораго обыкновенно останавливаются въ этомъ мѣстѣ, построенъ на лѣвомъ берегу рѣки Шегембетъ и можетъ служить хорошимъ убѣжищемъ отъ непогоды, особенно во время зимы.

Здѣсь имѣется подножный кормъ, хорошая вода и топливо въ достаточномъ количествѣ.

Неподалеку лѣтомъ кочуютъ киргизы, услугами которыхъ можно пользоваться съ ранней весны до поздней осени, когда они уходятъ на зимовки въ другія мѣстности.

Мѣсто для остановки войскъ удовлетворительное. Дорога проходить на лѣвый берегъ рѣки Шегембетъ непосредственно близъ мѣста стоянки и идетъ по слегка всхолмленной мѣстности, топкой и солончаковой, постепенно поднимаясь на небольшой

кряжъ горъ, спустившись съ котораго проходить нѣкоторое время вдоль рѣчки Тамды-су, вода въ которой имѣется не во всякое время года.

Такъ напримѣръ, въ концѣ іюля воды въ ней было много и берега были покрыты травой, а въ самомъ началѣ сентября воды не было даже и слѣда.

Пройдя версты 22—24 въ направленіи съ востока на западъ и минуя озера Сасыкъ-Куль (тухлое озеро), Газъ-Куль, Тузь-Куль (соляное) и Чукуръ-Куль (чукуръ—яма), дорога довольно круто поворачиваетъ сначала на юго-западъ, а вскорѣ прямо на югъ и начинаетъ подниматься на перевалъ Тагаркакты, имѣющій абсолютную высоту 13,200 футовъ и вполне легко-доступный для движенія.

На этомъ участкѣ перехода встрѣчается вода, хотя не всегда, въ рѣчкѣ Тамды-Су и въ озерѣ Чукуръ-Куль, гдѣ можно найти также и незначительное количество травы.

Сдѣлавъ нѣсколько подъёмовъ и спусковъ и перейдя черезъ рѣчки Курукъ-Тагаркакты и Сулукъ-Тагаркакты, въ послѣдней изъ которыхъ можно всегда имѣть воду, траву и топливо (сулукъ—водный, курукъ—безводный) дорога, минуя могилы безъ названія, дѣлаетъ два поворота сначала круто направо, а потомъ круто налево и выходитъ въ долину рѣчки Кой-Тезекъ, стекающей съ перевала того же названія.

Пройдя около 11 верстъ послѣ вершины перевала, дорога достигаетъ мѣста остановки на пересѣченіи долинъ рѣчекъ Кой-Тезекъ и Илыкъ-Утэкъ.

На всемъ переходѣ не встрѣчается препятствій для движенія вьюковъ, а при ничтожныхъ разработкахъ нѣсколькихъ спусковъ и подъёмовъ и перехода черезъ рѣчку Сулукъ-Тагаркакты, возможно движеніе и полевой артиллеріи.

5) *Отъ мѣста пересѣченія долинъ Кой-Тезекъ и Илыкъ-Утэкъ до вершины перевала Кой-Тезекъ 16 верстъ.*

Мѣсто пересѣченія долинъ рѣчекъ Кой-Тезекъ и Илыкъ-Утэкъ вполне удобное для стоянки—сухое, ровное и укрытое отъ вѣтра.

Воды и травы много, точно также какъ и топлива.

По близости совѣмъ не имѣется мѣстныхъ жителей.

Дорога сначала идетъ по правому берегу рѣчки Кой-Тезекъ, а потомъ нѣсколько разъ переходитъ съ одного берега на другой и черезъ 16 верстъ достигаетъ вершины перевала Кой-Тезекъ, или, вѣрнѣе, Куи-Тезекъ, имѣющій абсолютную высоту 14,000 футовъ.

Подъемъ на всемъ протяженіи незамѣтный и если представляются мѣстами затрудненія, то благодаря только присутствію болотъ, образовавшихся отъ массы воды, стекающей съ окрестныхъ горъ и застаивающейся вслѣдствіе незначительности уклона подъема на перевалъ.

Такимъ образомъ легко-доступность перевала Кой-Тезекъ служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и неудобствомъ.

Принадлежа къ категоріи легкодоступныхъ, перевалъ Кой-Тезекъ въ теченіи двухъ—трехъ зимнихъ мѣсяцевъ заваливается снѣгомъ настолько, что движеніе черезъ него сильно затрудняется, а иногда даже совершенно прекращается. Въ этихъ случаяхъ движеніе совершается обыкновенно не черезъ самый перевалъ, а по склонамъ окружающихъ его горъ, гдѣ снѣгъ держится только тонкимъ слоемъ.

Почти на всемъ протяженіи имѣется въ достаточномъ количествѣ вода, въ изобиліи подножный кормъ, даже и у самой вершины перевала, а также и топливо (травы терескенъ).

На самой вершинѣ перевала Кой-Тезекъ дорога раздѣляется на двѣ части: направо идетъ дорога по рѣкѣ Тогузъ-Булакъ и потомъ въ Шугнанъ въ долину рѣки Гунта, а налѣво дорога идетъ сначала на урочище Кокъ-Бай, а потомъ въ Шугнанъ въ долину рѣки Шахъ-Дары.

Съ вершины перевала кажется, что какъ будто бы дороги не раздѣляются ни чѣмъ и идутъ параллельно другъ другу, но въ дѣйствительности ихъ раздѣляетъ очень глубокій оврагъ, по которому течетъ одинъ изъ истоковъ рѣки Тогузъ-Булакъ.

Обѣ дороги соединяются опять при слияніи рѣкъ Гунта и Шахъ-Дары, впадающихъ въ рѣку Пянджъ подъ именемъ Хароха.

Какъ дорога по Гунту, такъ и по Шахъ-Дарѣ имѣютъ чисто горный характеръ и отличаются труднодоступностью, такъ что во многихъ мѣстахъ затруднительно даже движеніе вьюковъ.

Эти участки дороги рѣзко отличаются отъ предыдущихъ какъ по трудности ихъ, такъ и по тому, что они проходятъ по мѣстностямъ культурнымъ и населеннымъ.

II. Отъ вершины перевала Кой-Тезекъ по долинамъ рѣкъ Тогузь-Булана и Гунта до слиянія этой послѣдней съ Шахъ-Дарою.

1) *Отъ вершины перевала Кой-Тезекъ до урочища Тогузь-Булакъ. 12 верстъ.*

Сначала дорога идетъ по верхнему краю глубокаго оврага съ крутыми мѣстами, скалистыми и отвѣсными берегами, на днѣ котораго протекаетъ рѣчка Четъ-Учъ-Коль, одна изъ трехъ, образующихъ рѣку Тогузь-Булакъ.

Вскорѣ дорога спускается на дно оврага, пересѣкаетъ рѣчку и идетъ по руслу ея, заваленному обломками гранита сѣро-синяго цвѣта, составляющаго здѣсь преобладающую горную породу.

Дорога нѣсколько разъ переходитъ съ одного берега на другой, то взбираясь на высокіе берега, то слѣдуя по карнизамъ, или осыпямъ, то проходя по дну оврага, мѣстами болотистому и почти на всемъ протяженіи заваленному глыбами гранита.

Здѣсь возможно только вьючное движеніе, да и то мѣстами сильно затруднительно.

За то на всемъ протяженіи этого участка дороги, вездѣ есть вода въ изобиліи, хорошій подножный кормъ и, чего нѣтъ почти на всемъ пути до вершины перевала Кой-Тезекъ, сначала кустарники, а потомъ даже и небольшія деревца тальника.

Мѣстность весьма замѣтно понижается, характеръ ея измѣняется къ лучшему и путникъ чувствуетъ себя здѣсь гораздо лучше, чѣмъ на пустынномъ Памирѣ, гдѣ нѣтъ ни одного деревца, которое оживляло бы однообразный ландшафтъ.

Пройдя устья рѣчекъ Урта-Учъ-Коль, Кокъ-Джаръ-Учъ-Коль и Акъ-Сай, дорога выходитъ на урочище Тогузь-Булакъ.

„Тогузь-Булакъ“ въ буквальной переводѣ значитъ „девять ключей“ и такое названіе этому мѣсту дано вслѣдствіе того, что здѣсь на склонѣ горъ лѣваго берега вытекаетъ много родниковъ, благодаря чему порядочная площадка, орошаемая ими, покрыта чудной зеленью. Несмотря на то, что абсолютная высота этого

мѣста достигаетъ почтенной цифры 12,520 футовъ, здѣсь растетъ много деревьевъ и это объясняется тѣмъ, что повсюду много воды, а зимою бываетъ не мало снѣга.

2) *Отъ урочища Тогузъ-Булакъ до урочища Марджанъ-Дара 28 верстъ.*

Урочище Тогузъ-Булакъ представляетъ довольно удобное мѣсто для остановки на лѣвомъ берегу рѣки, гдѣ родники и гдѣ много зелени, такъ какъ правый берегъ голый, каменистый и на немъ не имѣется большихъ ровныхъ площадей для расположенія войскъ. Здѣсь имѣется въ большомъ количествѣ вода, подножный кормъ и топливо (кустарникъ).

Мѣстность довольно красивая, но безлюдная, такъ какъ въ настоящее время киргизы Памира не приходятъ сюда со своими стадами изъ боязни афганцевъ, а таджики верхнихъ кишлаковъ, расположенныхъ на Гунтѣ и Тогузъ-Булакѣ, разбѣжались тоже изъ боязни афганцевъ.

Дорога пересѣкаетъ Тогузъ-Булакъ и все время идетъ по правому берегу этой рѣки.

Движеніе въючное мѣстами сильно затрудняется благодаря присутствію массы камней, которыхъ особенно много встрѣчается при пересѣченіи боковыхъ ущелій, по которымъ текутъ ручьи, впадающіе въ рѣку Тогузъ-Булакъ.

Начинаютъ попадаться слѣды разрушенныхъ кишлаковъ, брошенныхъ ихъ обитателями, повидимому, не особенно давно, и слѣды обработанныхъ полей.

Почти на всемъ протяженіи этого перехода встрѣчаются кусты тальника, облепихи, шиповника и можжевельника, образующіе нерѣдко такъ называемые туган, или заросли.

Все чаще и чаще встрѣчаются деревья, достигающія здѣсь уже толщины 3—4 вершковъ.

Травы много почти вездѣ.

На пути встрѣчается теплый источникъ, такъ называемый Иссикъ-Булакъ, температура воды котораго достигаетъ 54° Реомюра.

Вода источника совершенно чистая, прозрачная, съ явно обнаруженнымъ запахомъ сѣроводорода.

Она выходитъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ и разливается на большую площадь.

Имѣется яма въ родѣ купальни, обнесенная низкой стѣнкой изъ камня, съ каменными же лавками для раздѣванія.

3) *Отъ урочища Маджанъ-Дара до кишлака Чертыма 30 верстъ.*

Урочище представляетъ изъ себя тугай на правомъ берегу рѣки Тогузъ-Булакъ. Мѣсто для стоянки весьма удобное—сухое, укрытое отъ вѣтра, съ массою воды, топлива и подножного корма.

Отъ этого мѣста дорога продолжаетъ идти по правому берегу и черезъ $\frac{1}{2}$ версты достигаетъ до поперечнаго оврага, переходъ черезъ который представляетъ серьезныя затрудненія. Здѣсь приходится спѣшиваться при спускѣ и развьючивать громоздкіе вьюки, такъ какъ карнизъ, по которому проходитъ тропинка, очень узокъ.

Послѣ этого оврага, шириною не болѣе $\frac{1}{2}$ —1 версты, дорога идетъ сначала между крупными камнями и скоро выходитъ въ тугай на берегу рѣки.

Черезъ 5—6 верстъ дорога пересѣкаетъ рѣку Тогузъ-Булакъ и идетъ по лѣвому берегу ея.

Бродъ не глубокий, не выше колѣна (въ началѣ сентября), шириною около 5 саж., но неудобный благодаря крупнымъ камнямъ на днѣ рѣки.

Версты черезъ двѣ дорога пересѣкаетъ рѣку Дузахъ-Дара, впадающую съ лѣвой стороны въ Тогузъ-Булакъ и стекающую съ перевала того же названія.

Бродъ тоже не глубокий, но тоже неудобный, такъ какъ здѣсь дно завалено камнями, а теченіе быстрее.

Далѣе дорога идетъ или по тугаю, въ руслѣ рѣки, или поднимается на высокій берегъ.

Черезъ 12—13 верстъ дорога проходитъ близъ мазара Хазретъ-Имамъ, перейдя передъ этимъ рѣчку Паршидъ, бродъ черезъ которую не глубока, но теченіе замѣчательно быстрое, а дно каменистое, благодаря чему онъ крайне неприятенъ и даже опасенъ.

При энергичномъ таженіи снѣга и ледниковъ въ горахъ эта рѣчка бываетъ иногда настолько многоводна, что переправа

черезъ нее въ бродъ становится невозможной и движеніе прерывается.

Мазаръ-Хазретъ-Имамъ расположенъ какъ разъ напротивъ кишлака Сардыма, лежащаго на правомъ берегу, немного ниже слиянія рѣкъ Гунта, Суздота и Тогузъ-Булака. Это мѣсто очень удобно для расположенія войскъ на обширной ровной площадкѣ возлѣ мазара Хазретъ-Имамъ, а частью въ небольшой тополевой рощицѣ у подножья горъ лѣваго берега Тогузъ-Булака. Подножный кормъ здѣсь въ изобиліи.

Сардымъ—первый кишлакъ на Гунтѣ и выше его имѣются только развалины кишлаковъ.

Въ настоящее время въ Сардымѣ всего только два двора съ 8 жителями, но не такъ давно это былъ большой кишлакъ.

Въ Сардымѣ можно приобрести ячмень, горохъ, рѣпу и пшеницу въ незначительномъ количествѣ, такъ какъ жителей мало и занимаются они преимущественно скотоводствомъ.

Далѣе внизъ по Гунту начинаютъ попадаться кишлаки и дорога все время идетъ по мѣстности культурной, среди полей.

Вездѣ имѣется вода, подножный кормъ и топливо, а также кишлаки Мюншаръ и Патхоръ съ 17 жителями, которые могутъ доставлять кое-какіе свѣстные припасы и скотъ.

Дорога отъ Сардыма до Чартыма можетъ служить только для движенія вьюковъ и проходить то по осыпямъ, то между громадными глыбами камней, то въ заросляхъ и по лугамъ.

Непосредственно передъ кишлакомъ Чартымомъ послѣднія 1—1½ версты дороги совсѣмъ нѣтъ и тропинка сначала поднимается на громадную кучу каменныхъ глыбъ, въ буквальный смыслъ слова безпорядочно нагроможденныхъ другъ на друга.

Эта колоссальная куча камней образовалась вслѣдствіе отдѣленія отъ горъ лѣваго берега громадной скалы, разрушившейся при паденіи и загроздившей большое пространство.

Подъемъ и въ особенности спускъ съ этой груды камней положительно убійственный.

Здѣсь приходится пробираться между остроереберными камнями и прыгать по уступамъ, сдѣланнымъ въ камняхъ частью самою природою, частью людьми.

Мѣстами эта операція ѣзды по такимъ мѣстамъ становится настолько опасной, что приходится спѣшиваться.

На вершинѣ этой груды расположена четырехугольная оборонительная башня, такъ называемая топъ-хана, преграждающая дорогу.

Послѣ спуска до кишлака Чартыма дорога на протяженіи $\frac{1}{2}$ версты проходить по мокрому дугу, покрытому чудной травой, и между засѣянными полями.

4) *Отъ кишлака Чартыма до кишлака Воджъ 26 верстъ.*

Кишлакъ Чартымъ, состоящій всего только изъ 2 дворовъ, съ жителями, расположенъ посреди воздѣланныхъ полей, недалеко отъ старой крѣпости, представляющей группу 7 башенъ (топъ-хана).

Мѣсто для стоянки внутри двора, образуемаго этими башнями, очень удобное, ровное, сухое и близко отъ воды.

Подножный кормъ и топливо въ изобиліи.

Около нѣкоторыхъ башенъ пристроены сакли, владѣльцы которыхъ недавно бѣжали отъ афганцевъ, бросивъ свои жилища.

Сакли эти достаточно еще сохранились и могутъ быть приспособлены для помѣщенія въ нихъ людей, а навѣсы при нихъ для скота.

Дорога отъ Чартыма сначала идетъ черезъ засѣянные поля почти по ровной мѣстности, но потомъ скоро входитъ въ заросли, гдѣ извивается то между громадными камнями, то между деревьями.

Дорога становится все хуже и хуже.

Наконецъ она поднимается между грудой камней на небольшой отрогъ сосѣдней скалы и круто опускается къ Гунту на уровень воды.

Затѣмъ подъемъ и въ особенности спускъ, чрезвычайно трудноодолимы и приходится спѣшиваться.

Спустившись къ рѣкѣ, дорога упирается въ скалу, которую при низкой водѣ можно обойти въ бродѣ, а при высокой необходимо буквально пролѣзть черезъ треугольную трещину въ этой скалѣ, настолько узкую, что только самые маленькіе вьюки могутъ быть проведены безъ разгрузки, а напримѣръ вьюкъ съ двумя обыкновенными ягтанами (кожаные ящики) не пролѣзаетъ.

Подъемъ къ этой трещинѣ сдѣланъ искусственно въ видѣ аппарели изъ камней, скрѣпленныхъ деревомъ.

Далѣе дорога лучше и движеніе вьюковъ не представляетъ особенныхъ затрудненій, которыя встрѣчаются, главнымъ образомъ, при переправахъ черезъ поперечные ручьи и рѣчки, русла которыхъ завалены большими крупными камнями.

Вездѣ много воды, подножного корма и топлива.

Въ этомъ переходѣ встрѣчается кишлакъ Шитамъ, состоящій изъ 4 дворовъ съ 28 жителями и нѣсколько разрушенныхъ кишлаковъ, покинутыхъ жителями очень недавно.

5) *Отъ кишлака Воджъ до кишлака Ривака 23 версты.*

Стоянка около кишлака Воджъ, состоящаго изъ одного двора съ 9 жителями, удобная, среди засѣянныхъ полей.

Ровное мѣсто, много воды, подножного корма и топлива.

Дорога до слѣдующей стоянки имѣетъ такой же характеръ, какъ и ранѣе, а именно идетъ черезъ заросли, по ровнымъ лугамъ или взбирается на карнизы и осыпи, или проходитъ между громадными глыбами, или же среди воздѣланныхъ полей.

Здѣсь встрѣчается перевалъ Сары-Муйнакъ, подъемъ на который довольно крутой, хотя мягкій, не скалистый, а спускъ нѣсколько болѣе пологій.

Близъ кишлака Ривака дорога пересѣкаетъ рѣчку Ривакъ, чрезвычайно бурную, быструю и глубокую.

Переправа въ бродъ здѣсь невозможна и потому сдѣланъ висячій мостъ кавказской системы, по которому могутъ двигаться только вьюки.

Мостъ этотъ чрезвычайно примитивнаго устройства и состоитъ изъ жердей и бревенъ, связанныхъ вицами.

Настилка состоитъ изъ жердей и каменныхъ плитъ, заполняющихъ промежутки между кривыми жердями.

Длина моста 4 сажени, а ширина настилки около $1\frac{1}{2}$ — 2 аршинъ.

Полотно возвышается надъ водою около 4 саж. и устоями служатъ скалистые берега.

На протяженіи этого перехода встрѣчаются на обоихъ берегахъ Гунта кишлаки: Дэміона, Вибистъ, Дѣбаста, Сепуджичъ,

Горджевинъ, Мунъ и Заворахъ, состоящіе изъ 2, 4, 4, 1, 3, 2 и 4 дворовъ съ 19, 39, 40, 9, 32, 13 и 33 жителями. Какъ видно, мѣстность становится все болѣе и болѣе населенной и культурной и дорога частью проходить между засѣянными полями.

6) *Отъ кишлака Ривака до мѣста сліянiя рѣкъ Гунта и Шахъ-Дары 22 версты.*

Мѣсто для стоянки весьма удобное, сухое, ровное, частью въ саду.

Вода, подножный кормъ и топливо въ изобиліи.

Въ кишлакѣ, состоящемъ изъ 9 дворовъ съ 32 жителями, можно достать многіе жизненные припасы, а населеніе можетъ оказать помощь.

Сначала дорога идетъ по лѣвому берегу Гунта, а потомъ переходитъ на правый около кишлака Багывъ.

Здѣсь имѣется мостъ, длина полотна котораго 20 шаговъ.

Мостъ пѣшеходный и не прочный.

Дорога проходить по чрезвычайно разнообразной мѣстности: то по совершенно ровному лугу, покрытому прекрасной растительностью, гдѣ можно ѣхать даже въ экипажѣ, то теряется въ заросляхъ тальника, облепихи и шиповника, то взбирается на голыя скалы и идетъ или по карнизу, или по осыпи, спускающейся прямо въ Гунтъ.

Мѣстами движеніе затруднительно даже для вьюковъ.

На всемъ протяженіи пути имѣется въ большомъ количествѣ вода, трава и топливо, а также кишлаки: Сиджъ, Тангъ, Винбъ, Барсенъ, Манэмъ, Багывъ, Парзадъ, Моргифъ, Сангофъ, Роджъ, Питофъ, Дуабъ и Хыфджинъ, расположенные по обоимъ берегамъ Гунта среди воздѣланныхъ полей и состоящіе изъ 8, 5, 4, 6, 3, 2, 4, 2, 1, 6, 4, 2 и 5 дворовъ съ 77, 52, 40, 50, 72, 19, 33, 17, 9, 56, 38, 20 и 51 жителями.

Населеніе здѣсь довольно густое.

7) *Отъ сліянiя рѣки Гунта и Шахъ-Дары до крѣпости Калаи-Баръ-Панджъ 14 верстъ.*

Стоянка при сліянiи рѣкъ Гунта и Шахъ-Дары вполне удовлетворительная.

Мѣсто имѣется на обоихъ берегахъ Гунта, переправа черезъ который производится черезъ пѣшеходный мостъ, расположенный недалеко отъ устья этой рѣки.

Кругомъ воздѣланныя поля, сплошь занимающія дно долины.

Дорога идетъ по правому берегу рѣки Хароха, образованной отъ сліянія Гунта и Шахъ-Дары.

Дорога все время идетъ среди воздѣланныхъ полей и изрѣдка, обходя ихъ, взбирается на высоты праваго берега.

На рѣкѣ Харохѣ имѣется три кишлака: Баръ-Харохъ (верхній), Шопъ-Харохъ и Виръ-Харохъ, состоящіе изъ 9, 1 и 14 дворовъ съ 60, 6 и 101 жителемъ.

Выйдя на рѣку Пянджъ и минуя мазаръ Хазретъ-Али, дорога пролегаетъ по карнизу и мѣстами затруднительна.

Переправа черезъ рѣку Пянджъ у Кала-и-Баръ-Пянджа производится на паромехъ и рѣка въ этомъ мѣстѣ въ бродъ проходимы бываетъ только въ концѣ зимы, когда она мѣстами покрывается уже льдомъ.

Крѣпость Кала-и-Баръ-Пянджъ расположена на бѣлой скалѣ, возвышающейся непосредственно надъ водою рѣки Пянджа, и благодаря бѣлому цвѣту скалы, видимой издалика, носить еще названіе „Акъ-Курганъ“.

Внутри много построекъ.

Мѣстность праваго берега въ этомъ мѣстѣ командуетъ надъ Кала-и-Баръ-Пянджемъ, внутренность которой видна довольно отчетливо и можетъ быть обстрѣливаема вполне хорошо съ праваго берега.

Вода, трава и топливо въ изобиліи.

По близости много кишлаковъ, наиболѣе населенныхъ въ Шугнанѣ и наиболѣе богатыхъ.

Покончивъ съ описаніемъ пути отъ вершины перевала Кой-Тезекъ по рѣкѣ Гунту, перехожу къ описанію пути отъ этого же перевала по рѣкѣ Шахъ-Дарѣ.

III. Отъ вершины перевала Кой-Тезекъ по долину рѣки Шахъ-Дары до слиянія ея съ Гунтомъ.

1) *Отъ вершины перевала Кой-Тезекъ до истока рѣчки Кокъ-Бай-Чатъ 24 версты.*

Раньше уже было сказано, что на самой вершинѣ перевала Кой-Тезекъ дорога раздѣляется: направо идетъ дорога въ долины рѣкъ Тогузъ-Булака и Гунта, а налево—въ долину рѣки Шахъ-Дары.

Пройдя нѣкоторое пространство по гребню оврага, на днѣ котораго протекаетъ рѣчка Кой-Тезекъ, дорога начинаетъ уклоняться все влево и пересѣкаетъ три оврага, по которымъ текутъ три рѣчки, образующія Тогузъ-Булакъ.

Овраги эти глубоки, хотя и съ мягкими спусками, благодаря чему движеніе по нимъ въьюковъ почти не затруднительно.

Рѣчки, протекающія по дну этихъ овраговъ, не глубоки, легко проходимы въ бродъ.

Вода въ нихъ имѣется всегда, а берега покрыты травой.

Пройдя овраги, дорога поднимается на урочище Кокъ-Бай, представляющее возвышенное и довольно ровное плато, на которомъ разбросано нѣсколько мелкихъ озеръ.

Здѣсь дорога раздѣляется на двѣ: одна идетъ мимо озера Турумтай-Куль черезъ перевалъ Кара-Горумъ и спускается по рѣчкѣ того же названія въ долину рѣки Джаушангузъ, а другая поворачиваетъ влево къ истокамъ рѣчки Кокъ-Бай-Чатъ.

Движеніе по этому плато до мѣста остановки вполне возможно даже для полевой артиллеріи.

2) *Отъ истоковъ рѣчки Кокъ-Бай-Чатъ до развалинъ Бутенектъанъ-Кургана 14 верстъ.*

Мѣсто остановки на истокахъ рѣчки Кокъ-Бай-Чатъ удобное, имѣется подножный кормъ и вода.

По близости совсѣмъ не имѣется жителей и сюда не приходятъ даже кочевники.

Дорога спускается сначала по лѣвому берегу рѣчки, но черезъ 6 верстъ переходитъ на правый. Отсюда дорога становится все хуже и хуже, такъ что мѣстами затруднительно даже движеніе въьюковъ.

Вездѣ зелень, воды много, начинаютъ попадаться кусты тальника и шиповника.

Пройдя еще 4—5 верстъ, дорога спускается къ урочищу Деъ-Ши-Утеъ, или по таджикски Наспаръ, гдѣ сливаются двѣ рѣчки Кокъ-Бай-Чатъ и Мацъ, образующія рѣку Джаушангузъ.

Спускъ очень трудный и каменистый.

Затѣмъ дорога до остановки идетъ около 4 верстъ по совершенно ровному лугу, такъ что возможно даже движеніе полевой артиллеріи на колесахъ и арбъ обоза.

3) *Отъ Бутенектынь-Кургана до урочища Баба-Абдалъ-Мазаръ 26 верстъ.*

Мѣсто стоянки близъ Бутенектынь-Кургана удобно—обширное, сухое и ровное.

Вода, трава и топливо въ изобиліи.

Здѣсь кочуютъ нѣсколько кибитокъ киргизовъ, на услуги которыхъ можно рассчитывать только въ лѣтнее время.

Несмотря на значительную абсолютную высоту мѣста 12,000 футовъ, здѣсь произрастаетъ уже ячмень, на что указываетъ даже само названіе рѣки „Джау-шанъ-гузъ“, что въ буквальномъ переводѣ значить „здѣсь сѣютъ ячмень“.

Неподалеку развалины Джаушангузъ-Калы, брошенной жителями сравнительно давно.

Отъ Бутенектынь-Кургана дорога идетъ посрединѣ долины рѣки Джаушангузъ, въ этомъ мѣстѣ довольно широкой.

Мѣстность ровная, отчасти болотистая.

Возможно движеніе полевой артиллеріи.

Черезъ 3¹/₂ версты широкая часть долины оканчивается, рѣка дѣлаетъ поворотъ вправо и дорога проходитъ далѣе по слегка всхолмленной мѣстности и входитъ въ ущелье, по которому выходитъ къ устью рѣки Врангъ, впадающей съ лѣвой стороны въ Шахъ-Дару и стекающей съ перевала того же названія.

Здѣсь начинаютъ попадаться развалины кишлаковъ.

Переправа черезъ рѣку Врангъ въ бродѣ не представляетъ затрудненій.

Далѣе дорога идетъ по лѣвому берегу Шахъ-Дары, то поднимаясь на крутой берегъ, высотой до 20 саж., то спускаясь къ руслу рѣки.

Версты за $1\frac{1}{2}$ до развалинъ крѣпости Кой-Кувать дорога идетъ по ровному лугу, покрытому чудной травой и кустарниками. Здѣсь кочуетъ и зимуетъ нѣсколько кибитокъ киргизовъ, занимающихся кромѣ скотоводства и земледѣліемъ.

Недалеко отъ Кой-Кувата есть кишлакъ Шашевать, состоящій изъ 4 дворовъ съ 21 жителемъ.

Пройдя Кой-Кувать, дорога пересѣкаетъ рѣку Шахъ-Дару и идетъ далѣе до самой остановки по правому ея берегу.

Особенно трудныхъ мѣстъ нѣтъ и дорога проходить большею частью по лугу и въ заросляхъ.

Вездѣ есть вода, трава и топливо.

Не доходя до Бада - Абдаль - Мазара переправа черезъ рѣчку того же названія, довольно быструю и глубокую, съ каменистымъ дномъ.

Здѣсь есть пѣшеходный мостикъ, находящійся въ неудовлетворительномъ состояніи. Мѣстность замѣтно понижается и урочище Баба - Абдаль - Мазаръ имѣетъ абсолютную высоту только 10,660 футовъ.

4) Отъ Баба-Абдаль-Мазара до кишлака Сеижа 21 верста.

Мѣсто стоянки хорошее, ровное, обширное.

Масса травы, воды и топлива.

По берегу р. Тугай.

Вблизи имѣются развалины кишлака, покинутого сравнительно недавно. Мѣстныхъ жителей нѣтъ совсѣмъ.

На переходѣ до Сеижа необходимо сдѣлать 4 переправы отъ одного берега Шахъ-Дары на другой, такъ какъ отвѣсныя скалы береговъ нерѣдко преграждаютъ движеніе и заставляютъ обходить ихъ по другому берегу.

Глубина воды измѣняется въ большихъ предѣлахъ.

Такъ, напримѣръ, въ концѣ іюля броды были глубокіе и вода подходила подъ потники, а въ концѣ августа едва доходила до стремени.

Дно ровное и затрудненія представляются только благодаря глубинѣ и быстротѣ теченія.

Пѣшіе люди могутъ проходить и не переправляясь черезъ рѣку, для выюковъ же и конныхъ людей это обязательно.

*

Дорога мѣстами проходить по осыпямъ и карнизамъ очень труднымъ, такъ что бывають случаи паденія вьюковъ.

Не доходя до кишлака Сеижъ около 1 версты, дорога проходить по узкому карнизу, надъ которымъ въ одномъ мѣстѣ такъ нависли скалы, что нагруженные вьюки не могутъ пролѣзть и приходится ихъ развьючивать и переносить тяжести на рукахъ, а свободныхъ лошадей проводить придерживая за хвостъ, чтобы онѣ не сорвались въ пропасть.

Съ высокихъ лошадей необходимо даже снимать сѣдла, чтобы не поломать луку о скалы.

Это мѣсто очень скверное и задерживаетъ движеніе на продолжительное время.

Помощь немногочисленныхъ жителей Сеижа является не только полезной, но даже необходимой, такъ какъ таджики отличаются замѣчательной способностью работать не утомляясь и при переноскѣ тяжестей въ горахъ положительно незамѣнимы.

Вообще этотъ переходъ нужно считать труднымъ, такъ какъ 4 переправы и карнизъ требуютъ не мало труда и много времени.

На всемъ протяженіи имѣется трава, вода и топливо.

Жители только въ Сеижѣ (3 двора и 16 жителей).

5) *Отъ Сеижа до Кара-Данге 11 верстъ.*

Мѣсто стоянки около кишлака Сеижа обширное, ровное, довольно удобное.

Воды много. Подножного корма непосредственно около Сеижа не имѣется, но можно получить у жителей траву въ снопахъ.

Топливо по близости тоже не имѣется и его придется привозить или покупать у жителей.

Дорога сначала пересѣкаетъ рѣку Друмъ, впадающую въ Шахъ-Дару съ правой стороны, и тотчасъ же пересѣкаетъ и эту послѣднюю, переходя съ праваго ея берега на лѣвый.

Здѣсь имѣются два моста, находящіеся почти рядомъ: одинъ черезъ рѣку Друмъ, а другой черезъ Шахъ-Дару.

Оба моста достаточно прочные и вполне удобные для вьючного движенія.

Перейдя на лѣвый берегъ, дорога начинаетъ подниматься на высоты этого берега и такъ какъ здѣсь дорога совер-

шенно не разработана, то подъемъ этотъ является чрезвычайно труднымъ.

Тяжелые и громоздкіе вьюки часто сваливаются благодаря крутизнѣ подъема и ихъ приходится перегружать, что представляетъ не мало затрудненій, такъ какъ тропа узкая и проходить по крутому скату, или по осыпи изъ остроребрыхъ камней.

Вообще этотъ подъемъ нужно отнести къ наиболѣе труднымъ частямъ пути.

Затѣмъ, поднявшись, дорога проходить по мѣстности почти ровной и не представляющей затрудненій для движенія.

Спускъ къ урочищу Кара-Данге чрезвычайно крутой и такъ какъ дорога здѣсь тоже не разработана совершенно, то онъ представляетъ массу затрудненій для движенія даже легкихъ вьюковъ, а коннымъ людямъ необходимо спѣшиваться.

Подъемъ около Сеижа, о которомъ было сказано раньше, и этотъ спускъ настолько трудны для движенія, что этотъ ничтожный переходъ является едва-ли не самымъ труднымъ изъ всѣхъ мѣстъ на Шахъ-Дарѣ.

Представляется возможность миновать эти два трудныя мѣста, слѣдуя по карнизамъ и осыпямъ лѣваго берега Шахъ-Дары, но случается, что дорога обваливается и тогда движеніе совершенно прекращается.

Кромѣ того движеніе по карнизамъ рискованнѣе, такъ какъ сорвавшійся вьюкъ падаетъ въ рѣку, въ этомъ мѣстѣ глубокую и бурную, и, разумѣется, пропадаетъ, тогда какъ на другомъ пути встрѣчаются только трудности и сравнительно мало риску.

На всемъ протяженіи не встрѣчается травы и топлива, а вода не вездѣ.

6) *Отъ Кара-Данге до кишлака Възг-Дара 18 верстъ.*

Урочище Кара-Данге, находящееся при устьѣ рѣчки того же названія, выдающей въ Шахъ-Дару съ лѣвой стороны, лежитъ въ ямѣ, окруженной высокими скалистыми берегами.

Абсолютная высота мѣста 9,450 футовъ.

Почти все мѣсто представляетъ тугай, съ деревьями, достигающими большихъ размѣровъ.

Топлива, разумѣется, много, воды тоже, а травы маловато.

Мѣстныхъ жителей по близости не имѣется.

Непосредственно у мѣста стоянки дорога пересѣкаетъ рѣчку Кара-Данге и переходитъ на лѣвый ея берегъ.

Бродъ довольно глубокій, дно рѣчки каменистое, а теченіе весьма быстрое, такъ что переправа эта въ половодье очень затруднительна.

Тотчасъ же, пройдя съ $\frac{1}{2}$ версты по берегу Шахъ-Дары тугаемъ, дорога начинаетъ круто подниматься на лѣвый, почти отвѣсный берегъ.

Подъемъ весьма крутой и дорога мѣстами проходитъ по голй скалѣ, въ которой выдѣланы ступени частью самой природой, частью же искусственно, людьми.

За нѣсколько сажень до вершины подъемъ настолько крутъ и затруднителенъ, что необходимо разгружать почти всѣ вьюки, особенно тяжелые и громоздкіе, и поднимать тяжести на людяхъ.

У самой же вершины подъема имѣется въ скалѣ уступъ, настолько значительный, что для одолѣнія его необходимо много ловкости и усилій.

Поднявшись на скалистый берегъ рѣки Шахъ-Дары, дорога входитъ въ узкое ущелье сначала немного поднимаясь, а затѣмъ круто спускаясь къ почти ровной площадкѣ, на которой расположенъ кишлакъ Сэндишъ.

Спускъ затруднителенъ, такъ какъ онъ крутой и заваленъ огромными остроребными камнями, между которыми и по которымъ проходитъ дорога.

По окончаніи спуска и по выходѣ изъ ущелья дорога проходитъ мимо кишлака Сэндишъ, близъ котораго она круто спускается въ рѣкѣ Шахъ-Дарѣ и идетъ далѣе по тугаю, то взбираясь на высокій берегъ, то по карнизу, то по осыпямъ.

Какъ разъ противъ кишлака Денкента дорога проходитъ по отвратительной осыпи и движеніе здѣсь настолько непріятно и трудно, что слѣдуетъ обходить это мѣсто по правому берегу Шахъ-Дары, если только глубина воды позволяетъ переправляться черезъ рѣку въ бродъ. Подъ конецъ дорога идетъ все время по мѣстамъ населеннымъ, среди воздѣланныхъ полей.

Вездѣ можно остановиться и найти воду, топливо, подножный кормъ и т. п.

На протяженіи этого перехода находятся кишлаки Сэндинъ, Заноодъ (Денкентъ), Шивоозъ, Гондзъ и Амбау изъ 1, 1, 2, 2 и 1 двора съ 7, 4, 10, 6 и 5 жителями, которые могутъ оказать помощь при подъемѣ у Кара-Данге и въ другихъ трудныхъ мѣстахъ, а также могутъ снабдить отрядъ ячменемъ, пшеницей, горохомъ, молочными продуктами и т. п.

7) *Отъ кишлака Възъ-Дара до мѣста сліянія рѣкъ Шахъ-Дары и Гунты 48 верстъ.*

Стоянка у Възъ-Дары хорошая, обширная, ровная, хотя мѣстами немного сыроватая. Абсолютная высота мѣста 9,290 фут.

Вода, подножный кормъ и топливо въ изобиліи.

Можно рассчитывать на услуги жителей ближайшихъ кишлаковъ.

Дорога идетъ сначала по лѣвому берегу среди полей, или по тугаймъ, а подходя къ Рошъ-Калѣ, начинается подниматься по крутому каменистому подъему и затѣмъ круто спускается къ Шахъ-Дарѣ немного выше Рошъ-Калы и переходитъ по мосту на правый берегъ рѣки.

Мостъ висячій, качающійся при движеніи не только въюковъ, но даже пѣшихъ людей, служить всетаки сравнительно хорошей переправой, такъ какъ переправа въ бродъ далеко не всегда возможна, а вплавь рискованна.

Осенью, напримѣръ въ сентябрѣ, представляется возможнымъ обойти трудный подъемъ и спускъ передъ мостомъ, а также и самый мостъ, по правому берегу, но раньше, напримѣръ въ концѣ августа, этого сдѣлать нельзя по причинѣ большой глубины воды въ Шахъ-Дарѣ.

Минуя крѣпость Рошъ-Калу, расположенную на громадной скалѣ, дорога продолжаетъ идти посреди воздѣланныхъ полей все по правому берегу рѣки Шахъ-Дары и не представляетъ особыхъ затрудненій для движенія въюковъ.

Она переходитъ на правый берегъ рѣки Гунта по мосту, расположенному немного выше сліянія этой рѣки съ Шахъ-Дарою.

На протяженіи этого перехода встрѣчаются 23 кишлака, расположенныхъ по обоимъ берегамъ Шахъ-Дары и ея притока

Туссыена и состоящіе изъ 69 дворовъ съ 382 жителями. Какъ видно, здѣсь мѣстность населенная и на каждыя двѣ версты приходится по кишлаку.

Мѣстность значительно понижается и стоянка при слияніи рѣкъ Шахъ-Дары и Гунта, описанная раньше, находится на высотѣ только 7,220 футовъ надъ уровнемъ моря.

Чтобы покончить съ путями сообщенія въ Шугнанѣ, необходимо сказать нѣсколько словъ о состояніи дорогъ внизъ и вверхъ по Пянджу, начиная отъ устья рѣки Хароха, а также о состояніи дорогъ черезъ хребетъ Шугнанскій, раздѣляющій долины рѣкъ Гунта и Шахъ-Дары и хребты Рошанскій и Ваханскій, ограничивающіе Шугнанъ съ сѣвера и юга.

Движеніе по правому, русскому, берегу Пянджа внизъ отъ устья Хароха до границы (урочища Ялдербентъ) съ Рошаномъ возможно только вьючное, причемъ на этомъ пути не представляется какихъ либо значительныхъ затрудненій, такъ какъ мѣстность здѣсь довольно густо заселена и дороги разрабатываются жителями исправно.

Здѣсь на протяженіи 45 — 50 верстъ встрѣчается 14 кишлаковъ, состоящихъ изъ 157 дворовъ съ 835 жителями, и мѣстность большею частью культурная.

Дорога по правому берегу Пянджа вверхъ вообще плохая, а мѣстами отвратительная.

Дорога по лѣвому, афганскому, берегу Пянджа, а также къ озеру Шива находится въ несравненно лучшемъ состояніи и разработана мѣстными жителями по приказанію афганцевъ настолько, что представилось возможнымъ доставить въ крѣпость Бала и Баръ-Пянджъ орудія полевой артиллеріи на колесахъ.

Въ Шугнанскомъ хребтѣ имѣется на протяженіи около 90 верстъ всего 7 переваловъ, а именно: Бой-Тезекъ, Кокъ-Бай, Кара-Гурумъ, Дузахъ-Дара, Айранъ-Су, Чаннымъ-Дара и Арахтъ, изъ которыхъ первые пять находятся въ восточной части хребта, а послѣдніе два въ западной.

Въ средней же части, на протяженіи около 60 верстъ, совсѣмъ не имѣется переваловъ, а слѣдовательно не имѣется и сообщенія, такъ какъ хребетъ отличается труднодоступностью и почти на всемъ протяженіи заваленъ снѣгомъ и ледниками.

Относительно перевала Кой-Тезекъ, служащаго для сообщенія съ намирскимъ нагорьемъ, было уже сказано раньше.

Перевалъ Кокъ-Бай, имѣющій абсолютную высоту около 15,000 футовъ, служитъ для сообщенія долины рѣки Кокъ-Бай-Чатъ и озера Турумтай-Куль съ переваломъ Кой-Тезекъ и долиною рѣки Тогузъ-Булака.

Спускъ къ долинѣ Кокъ-Бай-Чата близъ слиянія съ нимъ рѣки Мацъ затруднителенъ, вслѣдствіе чего пользуются другими болѣе пологими и вполне легкодоступными перевалами Кара-Гурумъ, имѣющимъ еще то преимущество, что путь черезъ него короче.

Перевалъ Дузахъ-Дара имѣетъ абсолютную высоту 15,150 футовъ и служитъ для сообщенія между долинами рѣкъ Шахъ-Дары и Гунта.

Со стороны Шахъ-Дары дорога начинается близъ урочища Джаушангузъ и идетъ вверхъ по рѣкѣ Дузахъ-Дара.

Сначала подъемъ не крутой, хотя и немного каменистый, дорога хорошая, вполне удобная для вьючнаго движенія, а начиная съ того мѣста, гдѣ она пересѣкается съ другой, идущей съ перевала Айрачъ-Су, до самой вершины перевала подъемъ очень крутой и дорога проходитъ по каменистому руслу рѣки, переходя съ одного берега ея на другой.

Здѣсь движеніе очень затруднительно.

Что же касается спуска съ перевала въ долину Гунта, тоже по рѣкѣ Дузахъ-Дара, впадающей въ рѣку Тогузъ-Булакъ, близъ мѣста впаденія этой послѣдней въ Гунтъ, то дорога здѣсь настолько плоха, а движеніе по ней настолько затруднительно и сопряжено съ опасностью, что названіе этого ущелья „Дузахъ-Дара“, т. е. въ буквальномъ переводѣ „адское ущелье“, вполне оправдывается.

Перевалъ Айранъ-Су, имѣющій абсолютную высоту 14,800 футовъ, служитъ для сообщенія между озеромъ Турумтай-Куль и

только что описанною дорогою через переваль Дузахъ-Дара.

Подъемъ отъ озера и спускъ легкіе и вполне удобныя для движенія.

Этотъ переваль недоступенъ для движенія на время отъ 4 до 5 мѣсяцевъ благодаря снѣжнымъ заносамъ.

Переваль Чаннимъ-Дара, дорога черезъ который проходитъ отъ кишлака Анджинъ, на рѣкѣ Шахъ-Дара, къ кишлаку Воджъ, на рѣкѣ Гунтѣ, пригоденъ только для пѣшеходнаго движенія и закрывается на 3—4 мѣсяца.

Кромѣ дороги отъ кишлака Анджинъ имѣется еще другая, проходящая вверхъ по ущелью Чаннимъ-Дара, гдѣ раньше былъ кишлакъ.

Переваль Арахтъ служить для сообщенія кишлаковъ, лежащихъ на рѣкахъ Шахъ-Дарѣ и Гунтѣ, близъ слиянія этихъ послѣднихъ.

Онъ удобенъ для сообщенія и имъ пользуются довольно часто, хотя онъ сокращаетъ путь и незначительно.

Въ Рошанскихъ горахъ, отличающихся еще большей труднодоступностью, чѣмъ Шугнанскій хребетъ, на протяженіи 110 вер. имѣется 5 переваловъ: Лянгаръ-Дара въ восточной части, Выхынчъ и Ишткамъ (Штамъ) въ средней и Хуфъ и Девлехъ въ западной.

Переваль Лянгаръ-Дара служить для сообщенія верхнихъ частей Гунта съ укрѣпленіемъ Сарезъ (Сарицъ) на рѣкѣ Мургабѣ.

Дорога поднимается по рѣкѣ Лянгаръ-Сай и можно ѣхать верхомъ, хотя на пути встрѣчается много камней.

Снѣгу и льду нѣтъ.

Переваль Выхынчъ можетъ служить лишь для пѣшеходнаго движенія и имъ настолько мало пользуются, что многіе жители Шугнана не знаютъ даже о его существованіи.

Переваль Ишткамъ, дорога черезъ который проходитъ отъ кишлака Штамъ на правомъ берегу Гунта къ кишлаку Раумидъ на рѣкѣ Бартангѣ въ Рошанѣ, относится къ числу труднодоступныхъ, благодаря присутствію на немъ ледника.

Движеніе на лошади весьма затруднительно.

Переваль Хуфъ служитъ для сообщенія средней части рѣки Гунта съ мѣстностью на рѣкѣ Пянджѣ близъ Ялдербента.

Дорога поднимается по рѣкѣ Мунъ-Дара отъ кишлака того же названія, а послѣ вершины перевала проходить по рѣкѣ Хуфъ-Дара, которая впадаетъ въ Пянджъ.

Переваль Девлехъ служитъ для сообщенія урочища Ялдербентъ (на границѣ) съ Рошанскимъ кишлакомъ Девлехъ.

Въ Ваханскихъ горахъ, ограничивающихъ Шугнанъ съ юга, сплошь покрытыхъ снѣгомъ и льдомъ и отличающихся почти совершенно непроходимостью на всемъ своемъ протяженіи около 100 верстъ, имѣется пять переваловъ: Масъ, Врангъ, Бадомъ-Дара Туссьентъ и Шарфъ-Дара.

Переваль Масъ или Мацъ находится на восточной границѣ Шугнана и служитъ для сообщенія между долинами рѣкъ Шахъ-Дары и Памира.

Дорога проходитъ отъ мѣста сліянія рѣкъ Кокъ-Бай и Мацъ, образующихъ рѣку Шахъ-Дару, въ долину рѣки Памира верстъ на 15—20 выше кишлака Лянгаръ-Гишъ.

Подъемъ и спускъ незначительные и вполне удобные для движенія вьюковъ.

Пѣшеходное движеніе черезъ Мацъ возможно, хотя и съ трудомъ, въ теченіе цѣлаго года, а конное прекращается мѣсяца на 3—4.

Движеніе черезъ переваль Врангъ возможно почти исключительно только пѣшеходное, а въ теченіе 5 — 6 мѣсяцевъ онъ закрывается совершенно.

Крутые и каменистые подъемы, переправы черезъ рѣку, ледники съ ихъ трещинами—все это сильно затрудняетъ движеніе и дѣлаетъ переваль малопригоднымъ для сообщенія.

Дорога на переваль Врангъ, имѣющей еще киргизское названіе Чеке, идетъ поднимаясь по рѣкѣ того же названія, а затѣмъ спускается въ долину рѣки Ваханъ-Дары, близъ кишлака Врангъ.

Переваль Бадомъ-Дара хотя немного и лучше предыдущаго, но тоже годится развѣ только для пѣшеходнаго движенія и, благодаря ледникамъ, черезъ него можно провести въ лѣтнее

время съ большими затрудненіями только легко нагруженныхъ лошадей.

Этотъ перевальъ закрывается для движенія на время около 5—6 мѣсяцевъ.

Перевальъ Туссьенъ, черезъ который возможно вѣчное движеніе, служитъ для сообщенія нижней части долины рѣки Шахъ-Дары съ Гораномъ.

Дорога идетъ вверхъ по рѣкѣ Туссьенъ и спускается къ кишлаку Шехъ-Бекъ на Ваханъ-Дарѣ.

Зимой движеніе прекращается на 4 мѣсяца.

Перевальъ Шарфъ-Дара, черезъ который идетъ дорога сначала тоже по рѣкѣ Туссьенъ и выходитъ къ кишлаку Нишуустъ на Ваханъ-Дарѣ, по своимъ свойствамъ почти такой же, какъ и предыдущій.

Въ заключеніе нужно упомянуть о томъ, что сообщеніе долины рѣки Гунта съ памирскимъ нагорьемъ возможно не только черезъ перевальъ Кой-Тезекъ по долинѣ Тогузъ-Булака, но также мимо озера Яшилъ-Куля, изъ западной оконечности котораго вытекаетъ рѣка Гунтъ.

Въ настоящее время по верхнимъ частямъ Гунта, особенно близъ выхода этой рѣки изъ Яшилъ-Куля, плаваніе очень затруднительно и дорога настолько плоха, что предпочитаютъ пользоваться другой дорогой по Тогузъ-Булаку, несмотря на то, что она значительно длиннѣе.

Изъ изложеннаго выше видно, что пути сообщенія въ Шугнанѣ вообще находятся въ неудовлетворительномъ состояніи, что долины Шахъ-Дары и Гунта, гдѣ расположена большая часть кишлаковъ, почти совсѣмъ не имѣютъ сообщенія между собою черезъ Шугнанскій хребетъ, что сообщеніе съ Рошаномъ и Ваханомъ тоже крайне затруднительно.

Относительно разработки дороги на Памирѣ по рѣкамъ Гунту и Шахъ-Дарѣ, можно сказать, что для *вѣчнаго движенія* ихъ разработать не представляется затрудненій и не потребуются особенно большихъ затратъ, причемъ вся работа можетъ быть исполнена жителями мѣстными, которыхъ, разумѣется, необходимо

снабдить хорошимъ инструментомъ, командой хорошо обученныхъ гальванеровъ для производства порохострѣльныхъ работъ, а также руководителемъ работъ—инженеромъ.

Разработка дороги для возможности движенія орудій полевой артиллеріи потребуетъ болшихъ затратъ, хотя въ техническомъ отношеніи не представить особенныхъ затрудненій, если не даваться широкими цѣлями имѣть дорогу съ незначительными уклонами.

Для движенія орудій полевой артиллеріи необходимо, по нашему мнѣнію, только извѣстная ширина дороги, такъ какъ *крутые уклоны не могутъ остановить движеніе* и орудія въ немногихъ мѣстахъ могутъ быть перевезены на лямкахъ людьми.

Что же касается *разработки дороги для движенія экипажей*, то прежде всего нужно сказать, что въ этомъ не представляется ровно никакой надобности, такъ какъ легкія санитарныя повозки пройдутъ вездѣ, гдѣ пройдетъ полевая артиллерія, а другіе экипажи съ болѣе широкимъ ходомъ, напримѣръ арбы, едва-ли будутъ имѣть употребленіе въ Шугнанѣ, такъ какъ въ настоящее время здѣсь совсѣмъ не знаютъ никакихъ экипажей, да они и не могутъ получить распространеніе, ибо нельзя рассчитывать на разработку дорогъ въ боковыхъ ущельяхъ, куда главнымъ образомъ приходится ѣздить мѣстнымъ жителямъ.

Перевозка же тяжестей на вьюкахъ не представляетъ неудобствъ и обходится не дороже перевозки на арбахъ, такъ какъ въ горахъ грузъ на арбы долженъ быть уменьшенъ до 20 пудовъ (вьючная лошадь свободно везетъ 8 пудовъ), а между тѣмъ требуются экипажи и упряжь, требуется больше проводниковъ, лучшія лошади, требуется болѣе дорогая починка экипажей, а главное—гораздо большія единовременныя затраты на разработку болѣе широкой съ гораздо меньшимъ уклономъ дороги и устройство широкихъ и дорогихъ мостовъ, а также гораздо большія затраты на содержаніе этихъ дорогъ и мостовъ въ постоянной исправности.

Вотъ почему высказывается убѣжденіе, что *колесный путь здѣсь совершенно не нуженъ, путь для движенія орудій полевой*

артиллеріи весьма полезенъ, а хорошій выучный положительно необходимъ и не только для движенія войскъ, но вообще для удобства сообщеній различныхъ пунктовъ страны между собою и съ окружающими.

II.

Очеркъ событій послѣднихъ лѣтъ въ Шугнанѣ.

Событія послѣднихъ лѣтъ излагаются здѣсь на основаніи разспросныхъ свѣдѣній, полученныхъ отъ старѣйшихъ жителей Шугнана, а также и на основаніи разспросныхъ же свѣдѣній, сообщенныхъ путешествовавшими по Памиру—Путятой, Ивановымъ и въ особенности Громбчевскимъ, бывшимъ отчасти даже очевидцемъ ужасныхъ событій, происшедшихъ въ Шугнанѣ въ 1889 году, во время вторичнаго занятія страны афганцами.

Всѣ эти свѣдѣнія отличаются сходствомъ между собою и потому могутъ считаться достаточно правдоподобными.

Изъ числа своихъ правителей, такъ называемыхъ „Ша“, старѣйшіе жители Шугнана помнятъ только четырехъ, а именно: Ванджи-Хана, Кубать-Хана, Абдураимъ-Хана и Юсуфъ-Али-Хана, послѣдовательно правившихъ страню до 1883 года, когда она была покорена афганцами.

Первые двое—Ванджи-Ханъ и Кубать-Ханъ—не совершили ничего замѣчательнаго и о дѣятельности ихъ не сохранилось никакихъ свѣдѣній.

Что-же касается двухъ послѣднихъ—Абдураимъ-Хана и Юсуфъ-Али-Хана, то имена ихъ, связанныя съ наиболѣе важными событіями, займутъ самое первое мѣсто въ исторіи Шугнана.

При Абдураимъ-Ханѣ предѣлы Шугнана были значительно расширены присоединеніемъ къ ханству Рошана, Шахъ-Дары и Гунта, бывшихъ до того времени самостоятельными и управлявшихся своими собственными Ша.

Присоединеніе этихъ областей сопровождалось кровопролитіемъ и казню не только правителей, но и большей части ихъ приверженцевъ.

Наиболѣе серьезное сопротивленіе завоевателямъ было оказано на Шахъ-Дарѣ, вслѣдствіе чего и казни вліятельныхъ лицъ были произведены здѣсь въ болѣе широкихъ размѣрахъ и сопровождались болѣею жестокостію.

Едвали не самымъ ужаснымъ видомъ казни было сбрасываніе виновныхъ съ громадной скалы, на которой расположена крѣпость Рошъ-Кала, находящаяся на правомъ берегу Шахъ-Дары.

Послѣднимъ самостоятельнымъ правителемъ Шахъ-Дары былъ Миръ-Атамъ-Бекъ, изъ родственниковъ котораго въ настоящее время осталось только двое—его племянники—Азисъ-Ханъ и Магометъ-Ханъ, живущіе въ кишлакѣ Сѣндишъ.

Миръ-Атамъ-Бекъ былъ казненъ въ Рошъ-Калѣ со многими изъ своихъ родственниковъ и приверженцевъ и послѣ него управлялъ Шахъ-Дарою въ теченіе болѣе 20-ти лѣтъ Кія-Бекъ, котораго Абдураимъ-Ханъ назначилъ аксакаломъ.

Послѣ Кія-Бека аксакаломъ былъ его старшій сынъ Ша-Доро, казненный афганцами въ Кабулѣ и замѣненный аксакаломъ Худояръ-Гозаномъ, который существуетъ до настоящаго времени.

Изъ родственниковъ Кія-Бека въ настоящее время живъ только младшій его сынъ Иранъ-Ша, занимающій должность казія.

Ранѣе Миръ-Атамъ-Бека самостоятельно правили Шахъ-Дарою Курбанъ Джанъ-Ша, Надыръ-Ша, Султанъ-Ша и Ша-Кыргызъ, который владѣлъ кромѣ Шахъ-Дары еще Гунтомъ, гдѣ поставилъ правителемъ Ша-Мансура.

Присоединивъ къ своимъ владѣніямъ Шахъ-Дару, Гунтъ и Рошанъ, Абдураимъ-Ханъ назначилъ на Гунтъ аксакаломъ Мирза-Асана, на Шахъ-Дару, какъ уже было сказано, Кія-Бека, а въ Рошанъ послалъ своего младшаго сына Юсуфъ-Али-Хана.

Старшій его сынъ Магометъ-Ханъ былъ только около одного года аксакаломъ въ Рошъ-Калѣ, а потомъ жилъ вмѣстѣ съ отцомъ въ Кала-и-Баръ-Пянджѣ.

Черезъ два года послѣ этого Юсуфъ-Али-Ханъ, прибывъ изъ Рошана въ Кала-и-Баръ-Пянджъ подъ предлогомъ полученія инструкціи для управленія новой, ввѣренной ему страной, при пособіи своего старшаго брата Магометъ-Хана изгналъ своего отца въ кишлакъ Баръ-Сѣнгъ, гдѣ приказалъ задушить его.

Послѣ убійства отца братья долго спорили изъ-за правъ на Шугнанъ, пока Юсуфъ-Али-Ханъ не убилъ сначала старшаго своего брата Магометъ-Хана, а потомъ и двухъ младшихъ—Абдуль-Гази-Хана и Абдуль-Шайдъ-Хана, послѣ чего воцарился въ Шугнанѣ и правилъ страню въ теченіе 10 лѣтъ.

При Юсуфъ-Али-Ханѣ Рошаномъ управлялъ его сынъ Кубать-Ханъ, котораго онъ не любилъ за остроумный и вмѣстѣ съ тѣмъ дерзкій отвѣтъ.

Дѣло было такъ:

Юсуфъ-Али-Ханъ шутя спросилъ какъ-то разъ своего 14 лѣтняго сына Кубать-Хана, какъ онъ будетъ ухаживать за нимъ, за отцомъ, когда онъ состарится и будетъ нуждаться въ сыновней помощи.

На это Кубать-Ханъ отвѣтилъ, что въ этомъ случаѣ онъ послѣдуетъ примѣру своего отца.

Юсуфъ-Али-Ханъ, понявъ намекъ на убійство имъ отца и братьевъ, возненавидѣлъ Кубать-Хана и для безопасности отправилъ его въ Рошанъ, чтобы нѣсколько гарантировать себя отъ возможности повторенія съ нимъ исторіи, продѣланной имъ со своимъ отцомъ.

Начавъ свое царствованіе злодѣйствомъ, Юсуфъ-Али-Ханъ дурно кончилъ свою жизнь, полную разнаго рода преступленій, несправедливости и насилій надъ управляемымъ имъ народомъ.

Онъ правилъ Шугнаномъ около 10 лѣтъ, а именно съ 1873 по 1883 годъ, и за это время успѣлъ такъ вооружить противъ себя населеніе, что когда настали для него трудные дни, народъ отнесся къ нему не только безучастно, но даже съ злорадствомъ и не поддержалъ своего хана.

Причиной дурныхъ отношеній между таджиками Шугнана и ихъ правителемъ была замѣчательная алчность этого послѣдняго, положительно не знавшая мѣры.

Нужно только удивляться, какъ это такой умный, не дюжинный человѣкъ, какимъ, безспорно, былъ Юсуфъ-Али-Ханъ, не понималъ, что подобный образъ дѣйствій подрывалъ его авторитетъ въ народѣ и не только лишалъ его возможности искать въ немъ для себя опоры, но даже заставлялъ видѣть въ своихъ поддан-

ныхъ злѣйшихъ враговъ, которыхъ онъ до поры до времени такъ безнаказанно и безжалостно угнеталъ.

Изобрѣтательность, съ которой Юсуфъ-Али-Ханъ изыскивалъ средства и поводы для обложенія населенія лишней податью, была поистинѣ удивительна и не знала никакихъ границъ.

Разсказываютъ, что онъ раздавалъ свой скотъ на прокормъ жителямъ Шугнана и черезъ нѣкоторое время требовалъ возврата его непремѣнно съ опредѣленнымъ приплодомъ, благодаря чему его стада умножались съ поразительной быстротой, а несчастное населеніе бѣднѣло и разорялось.

Кромѣ обыкновенныхъ, нормальныхъ податей, взыскиваемыхъ черезъ опредѣленные промежутки времени, Юсуфъ-Али-Ханъ то и дѣло производилъ экстренные поборы для уплаты вассальной подати Бадахшану, а въ 1883 году, пользуясь пребываніемъ въ предѣлахъ Шугнана русскаго путешественника доктора Регеля, наложилъ новый видъ поборовъ подъ названіемъ „русской подати“, собираемой якобы для покрытія расходовъ по приему этого путешественника.

Народъ видѣлъ, что добрая половина вассальной подати оставалась у хана, что докторъ Регель платилъ цѣнными подарками за все доставленное ему мѣстными жителями и что это были только предлоги для сбора подати, которой обогащался ханъ.

Ненависть населенія къ хану постепенно увеличивалась и увеличивалась, чему не мало способствовало также и то обстоятельство, что Юсуфъ-Али-Ханъ былъ суннитъ и смотрѣлъ на своихъ подданныхъ шиитовъ какъ на еретиковъ, которыхъ правослѣдному не только разрѣшается третировать какъ собакъ и всячески обирать ихъ, но даже и продавать въ рабство.

Изъ сказаннаго видно, что въ дѣлахъ внутренней политики Юсуфъ-Али-Ханъ руководствовался очень незамысловатымъ девизомъ: „угнетать своихъ подданныхъ, какъ въ матеріальномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніяхъ“.

Результаты подобной системы управленія, разумѣется, не заставили себя ждать.

Но прежде посмотримъ, какова была внѣшняя политика этого послѣдняго самостоятельнаго шугнанскаго Ша.

Какъ уже было сказано, Юсуфъ-Али-Ханъ правилъ Шугнаномъ послѣ своего отца Абдураимъ-Хана, значительно расширившаго предѣлы ханства присоединеніемъ къ нему Шахъ-Дары, Гунта и Рошана.

Въ это время Шугнанъ считался совершенно самостоятельнымъ, независимымъ ханствомъ, хотя и тяготѣлъ къ своему ближайшему сосѣду, Бадахшану, какъ къ болѣе сильному и богатому.

Самостоятельность Шугнана признавалась тогда и англичанами, что видно изъ переговоровъ, веденныхъ между Россіей и Англіей въ 1872—1873 г.г.

Унаслѣдовавши послѣ своего отца Шугнанское ханство, Юсуфъ-Али-Ханъ въ первое время старался поддерживать наилучшія отношенія съ Бадахшаномъ, установившіяся при его предшественникѣ.

Онъ оказывалъ внѣшнее почтеніе бадахшанскому миру, называлъ себя „меньшимъ братомъ“ и посылалъ ему отъ времени до времени подарки, на которые въ Бадахшанѣ стали смотрѣть какъ на вассальную подать.

Подобный родъ отношеній между азіатскими государствами представляется вполне обыкновеннымъ, естественнымъ и самъ Бадахшанъ игралъ совершенно такую же роль по отношенію къ своимъ болѣе сильнымъ сосѣдямъ—сначала къ Афганистану, потомъ, послѣ смерти эмира Достъ-Магомета въ 1863 году, къ Бухарѣ и затѣмъ опять къ Афганистану.

Такая политика была не по душѣ Юсуфъ-Али-Хану, въ характерѣ котораго кромѣ алчности, сильно повредившей ему въ дѣлахъ внутреннихъ, была еще одна черта—заносчивость, которая сгубила его въ дѣлахъ внѣшнихъ и довела его до казни.

Скоро онъ сталъ тяготиться вассальной зависимостью отъ Бадахшана и все рѣже и рѣже посылалъ подарки, что не могло быть не замѣчено и не истолковано въ неблагопріятномъ для Юсуфъ-Али-Хана смыслѣ, хотя онъ и отговаривался бѣдностью и т.п.

Послѣ смерти афганскаго эмира Ширъ-Али Бадахшанъ тотчасъ же призналъ верховныя права его преемника Абдурахманъ-Хана, занявшаго Кабульскій престолъ.

Юсуфъ-Али-Ханъ сдѣлалъ большую ошибку, имѣвшую для него роковыя послѣдствія, что не поспѣшилъ послѣдовать примѣру Бадахшана, чѣмъ навлекъ на себя подозрѣніе Абдурахманъ-Хана, который, какъ говоритъ молва, тогда же приказалъ Кундузскому беку Мулла-Джану строго наблюдать за непокорнымъ правителемъ Шугнана.

Абдурахманъ-Ханъ ждалъ только случая, чтобы придратъся къ Юсуфъ-Али-Хану и этотъ послѣдній не замедлилъ дать даже не одинъ предлогъ для этого, а сразу нѣсколько.

Юсуфъ-Али-Ханъ обвинялся въ томъ, что не оказалъ надлежащаго почтенія эмиру Абдурахману, не аккуратно высылалъ подарки ему, жестоко обращался съ населеніемъ и обиралъ его, наконецъ, не только позволилъ русскому путешественнику, доктору Регелю, ѣздить по Шугнану, но даже разрѣшилъ ему посѣтить рубиновыя копи, славившіяся на всемъ мірѣ и составлявшія богатство края.

Послѣднее обвиненіе въ сочувствіи русскому путешественнику было едва ли не самымъ важнымъ, такъ какъ не только афганцы, но даже и самъ Юсуфъ-Али-Ханъ, никакъ не могли допустить, чтобы докторъ Регель пріѣхалъ для такихъ невинныхъ занятій, какъ собираніе коллекцій, которыя казались имъ только маской для другихъ болѣе важныхъ политическихъ цѣлей.

Вскорѣ бадахшанскій миръ Абдулла - Джанъ по приказанію эмира афганскаго Абдурахманъ-Хана вызвалъ Юсуфъ-Али-Хана въ Бадахшанъ вмѣстѣ съ правителемъ Вахана Али-Мурданомъ.

Юсуфъ-Али-Ханъ хорошо понималъ, что поѣздка эта въ Файзабадъ можетъ окончиться для него печально, сталъ отказываться, оттягивать время своего отъѣзда, а тѣмъ временемъ рѣшилъ было бѣжать въ Россію и отправилъ даже свою семью и имущество въ Рошанъ.

Задуманное имъ бѣгство удалось бы, разумѣется, вполнѣ, но тутъ ему удружили его приближенные, во главѣ которыхъ стоялъ Парихъ-Ша, обиженный когда-то Юсуфъ-Али-Ханомъ и теперь перешедшій на сторону афганцевъ.

Онъ счумѣлъ убѣдить хана, что бѣгство его очень рискованно, что ему нечего бояться поѣздки въ Бадахшанъ, такъ какъ вызы-

*

ваютъ его для дѣловыхъ переговоровъ и для врученія ему инструкцій, послѣ чего онъ, несомнѣнно, вернется съ почетомъ и будетъ продолжать по прежнему управлять Шугнаномъ.

Юсуфъ-Али-Ханъ сдался на эти увѣщанія, началъ приготовляться къ отъѣзду, а тѣмъ временемъ секретныя сношенія враждебной ему партіи съ Бадахшаномъ продолжались и въ Файзабадѣ былъ извѣстенъ всякій малѣйшій шагъ опальнаго правителя Шугнана.

Наконецъ Юсуфъ-Али-Ханъ выѣхалъ въ Бадахшанъ и страной сталъ управлять въ его отсутствіе избранный народомъ Самбъ-Бурукша.

Явившійся въ Файзабадъ, Юсуфъ-Али-Ханъ съ первой же встрѣчи окончательно испортилъ свои отношенія съ бадахшанскимъ миромъ Абдулла-Джаномъ благодаря своей заносчивости.

Онъ держалъ себя съ большимъ достоинствомъ и весьма гордо, что, разумѣется, не понравилось Абдулла-Джану, который желалъ видѣть со стороны Юсуфъ-Али-Хана такую же почтительность и готовность служить, какъ со стороны Али-Мурдана, правителя Вахана, явившагося миру одновременно съ правителемъ Шугнана.

На этомъ первомъ приѣмѣ Юсуфъ-Али-Ханъ былъ наглядно униженъ сравнительно съ Али-Мурданомъ, который былъ принятъ весьма ласково и вскорѣ вернулся въ свою страну, получивъ подарки и 1.000 рупій серебра.

Разсказываютъ, что Юсуфъ-Али-Ханъ держалъ себя на первомъ приѣмѣ съ истинно царскимъ достоинствомъ.

Подойдя къ миру Абдулла-Джану, онъ снялъ съ себя свою пашку и пышную чалму и, положивъ ихъ передъ нимъ, сказалъ: „если ты хочешь убить меня—убей меня моею же пашкой, передаю тебѣ мою чалму и прошу похоронить меня въ ней какъ истиннаго мусульманина и природнаго хана“.

Эта блестящая фраза, витиевато сказанная на персидскомъ языкѣ, ничуть не удовлетворила бадахшанскаго мира.

Юсуфъ-Али-Ханъ былъ въ его рукахъ и даже участь его была рѣшена, такъ какъ рѣшено было не придавать никакого значенія его объясненіямъ на предъявленные ему обвинительные пункты.

Юсуфъ-Али-Ханъ понялъ, что его пѣсня спѣта, и послалъ своему сыну тайное письмо, гдѣ убѣждалъ его бѣжать немедленно въ русскіе предѣлы, захвативъ всѣ ханскія сокровища.

Письмо было перехвачено и не достигло своей цѣли, хотя Кувать-Ханъ еще ранѣе, получивъ тревожныя извѣстія изъ Файзабада, рѣшилъ бѣжать изъ предѣловъ Шугнана сначала въ Дарвазъ, а потомъ на Памиръ, оттуда вернулся дойдя уже до озера Яшилъ-Куля.

Своевременно узнавъ о бѣгствѣ Кувать-Хана, афганцы постарались вернуть его, пообѣщавъ назначить его правителемъ Шугнана.

Кувать-Ханъ повѣрилъ обѣщаніямъ, вернулся въ Кала-и-Баръ-Пянджъ и былъ арестованъ почти одновременно со своимъ отцомъ, которому афганцы предъявили перехваченное его письмо, послужившее явной уликой измѣны, которую затѣвалъ онъ, передаваясь русскимъ.

Населеніе Шугнана, озлобленное противъ Юсуфъ-Али-Хана за его несправедливое обращеніе, не сожалѣло о своемъ Ша и интересовалось только тѣмъ, кто будетъ его преемникомъ.

Всѣ думали, что правителемъ будетъ назначенъ или Саибъ-Бурукша, управлявшій Шугнаномъ послѣ отъѣзда Юсуфъ-Али-Хана, или родственникъ этого послѣдняго, проживавшій въ Дарвазѣ или же, наконецъ, будетъ назначенъ управлять страню афганскій чиновникъ, что было особенно не желательно для населенія.

Случилось именно такъ, какъ не желали жители Шугнана, и этимъ новымъ несчастіемъ они были обязаны своему нелюбимому Ша, который былъ положительно злымъ геніемъ для страны.

Юсуфъ-Али-Ханъ, оскорбленный дурнымъ обращеніемъ съ нимъ афганцевъ, написалъ жителямъ Шугнана письмо, въ которомъ совѣтовалъ имъ не соглашаться на требованія афганцевъ и выгнать ихъ гарнизонъ изъ Кала-и-Баръ-Пянджа.

Это письмо, которое, разумѣется, было перехвачено и предъявлено Абдулла-Джану, рѣшило участь самого Юсуфъ-Али-Хана и образа правленія въ Шугнанѣ.

Юсуфъ-Али-Ханъ былъ отправленъ въ Кабуль, вмѣстѣ со всѣмъ своимъ семействомъ, вызванными изъ Шугнана 60 уважаемыми шугнанами, взятыми въ качествѣ заложниковъ.

По прибытіи въ Кабуль Юсуфъ-Али-Ханъ вскорѣ былъ казненъ лютою казнью—онъ былъ зарытъ живымъ въ землю и рассказываютъ, что его палачи, посадивъ его въ яму, засыпали ее землею съ утрамбовываніемъ и поливаніемъ водою, чтобы причинить страдальцу возможно больше мученій.

Ожидая возстанія, афганцы постепенно усилили свой гарнизонъ въ Кала-и-Баръ-Пянджъ до 200 человѣкъ и выслали часть его, 20 человѣкъ, на Шахъ-Дару, а 50 человѣкъ отправили для занятія Рошана.

Ожиданія ихъ оправдались.

Возмущенное уводома изъ страны 60 уважаемыхъ гражданъ и наложеніемъ многихъ повинностей, въ числѣ которыхъ едва-ли не самую трудною была разработка дороги отъ Файзабада до Кала-и-Баръ-Пянджа, куда сгонялись рабочіе со всего Шугнана, населеніе отправило въ Рошанъ депутацію съ совѣтомъ сопротивляться афганцамъ.

Рошанцы послѣдовали этому совѣту и выставили пикетъ изъ нѣсколькихъ человѣкъ, который задержалъ афганскій отрядъ посланный для занятія Рошана.

Въ это самое время на Памирѣ была русская экспедиція, состоявшая изъ капитана Путята, инженера Иванова и топографа Бендерскаго, къ которой народные представители Шугнана и Рошана обратились за помощью и просили защиты отъ афганцевъ.

Капитанъ Путята въ отчетѣ о своей экспедиціи говоритъ, что онъ получилъ слѣдующее письмо, присланное съ двумя депутатами: „Миръ-Судтанъ (аксакаль Ташъ-Кургана), Миръ-Назаръ-Бекъ (аксакаль Орошана), Ханъ-Магометъ (казій Орошана), Халифа Бенды-Али (аксакаль Нусюра), Миръ-Азисъ-Бекъ (казій Сареза), Миръ-Давлетъ-Магометъ (аксакаль-Сареза), Миръ-Куланды (второй аксакаль ташъ-Кургана).

Всѣ жители Шугнана и Рошана отъ мала до велика объясняютъ Вамъ, что афганцы хотятъ насъ себѣ подчинить, но мы желаемъ отдаться русскимъ.

Афганцы боятся русскихъ, какъ лошадь тигра. Если по Гунтской дорогѣ направится сотня, или тысяча русскихъ, мы афганцевъ прогонимъ.

Попросите прислать войска, пожалуйста, пожалуйста!

Ходжи-Доропша (аксакаль Орошана), Ходжи-Ханъ (дядя Иполать-Хана), Ходжа-Абыль-Магосумъ (ишанъ), Шахъ-Заада-Асанъ (ишанъ), Мирза Шарифъ (ишанъ), Миръ-Манзаръ-Ша (аксакаль надъ всѣмъ Рошаномъ), всѣ рошанскіе и шугнанскіе жители съ Саибомъ-Бурукша (бывшій временный правитель Шугнана) во главѣ соединились для совѣта и придумали послать Вамъ это письмо съ просьбой передать наши желанія Туркестанскому генералъ-губернатору.

Укрѣпленія Баръ-Пянджа и Орошана мы отдадимъ Вамъ своими руками.

Если Вы постараетесь въ нашу пользу и отнимите насъ у афганцевъ, тѣмъ сдѣлаете угодное Богу. Селямъ“.

Далѣе слѣдуютъ печати: Ходжи-Ханъ-Абдуль-Азиса, дяди Юсуфъ-Али-Хана и Ходжи-Доропша, аксакала Кала-и-Вамара и подпись Миръ-Манзаръ-Ша (аксакала надъ всѣмъ Рошаномъ).

Нашъ путешественникъ, отправленный на Памиръ съ научными цѣлями, не имѣвшій на подобный случай ни полномочій, ни даже инструкцій, былъ поставленъ въ крайне неловкое положеніе, такъ какъ жители Шугнана и Рошана объясняли присутствіе на Памирѣ русской экспедиціи не иначе, какъ политическими цѣлями, вслѣдствіе чего они и рассчитывали на помощь съ ея стороны.

Вотъ что говорить въ своемъ отчетѣ капитанъ Путята относительно отвѣта, даннаго имъ депутатамъ, принесшимъ письмо.

„Въ разговорѣ съ депутатами я указалъ, что трудность путей, ведущихъ изъ Туркестана въ Рошанъ, отдаленность ихъ территоріи отъ нашихъ границъ, вѣроятно, послужать причинами отказа въ ихъ просьбѣ о присылкѣ войскъ, но если бы войска и были присланы, на это потребуется много времени, въ теченіе котораго афганцы успѣютъ занять страну силою и тогда выместятъ неудовольствіе за сопротивленіе.

Поэтому я совѣтовалъ, если они не могутъ опереться на свои собственные средства, лучше взять письмо обратно и отказаться отъ сопротивленія.

Въ крайнемъ же случаѣ рекомендовалъ обратиться за помощью къ сосѣднему дарвазскому беку.

Мнѣ возразили, что афганцы не рѣшатся вступить въ Рошанъ, такъ какъ имъ категорически заявлено, что гарнизонъ приметъ лишь въ томъ случаѣ, если русскіе откажутъ въ просьбѣ о принятіи Шугнана и Рошана въ подданство.

Къ дарвазскому же беку они обращались, но послѣдній отвѣтилъ, что безъ приказанія бухарскаго эмира онъ не рѣшится оказать имъ помощь“.

Хотя населеніе и послѣдовало совѣту капитана Путаты и приняло афганскій гарнизонъ, но тѣмъ не менѣе большинство рѣшило бѣжать изъ страны и не привело въ исполненіе свое намѣреніе только вслѣдствіе наступленія зимы, въ теченіе которой афганскіе гарнизоны, разбросанные по разнымъ мѣстамъ, были всѣ перехвачены, а жители снова отправили депутацію въ Маргеланъ съ просьбою о защитѣ и принятіи ихъ въ подданство.

Какъ извѣстно, эта просьба населенія Шугнана и Рошана не была исполнена, афганцы окончательно водворились въ этихъ странахъ и ввели тамъ свое управленіе.

Англо-русское соглашеніе 1872—1873 г.г. опредѣлило, что сфера вліянія Россіи не должна распространяться на лѣвый берегъ Пянджа, а вліяніе Англіи на правый.

Занятіемъ Шугнана и Рошана, произведеннымъ афганцами не безъ вѣдома Англіи, это соглашеніе было нарушено и сфера англійскаго вліянія распространилась на правый берегъ Пянджа и хотя нарушеніе это и было опротестовано нашимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, но вслѣдствіе неблагоприятныхъ политическихъ обстоятельствъ сдѣлано это было безъ достаточной энергіи, благодаря чему занятія провинціи оставались во власти афганцевъ вплоть до осени 1888 года, когда разразились событія, извѣстныя подъ именемъ афганской смуты.

Преданный эмиру войска бѣжали, очистивъ весь сѣверный Афганистанъ, при чемъ очищены ими были также Бадахшанъ и

Памирскія ханства—Рошанъ, Шугнанъ и Ваханъ, гдѣ тотчасъ же водворились законные владѣтели—въ Ваханѣ Али-Мурданъ-Ша, а въ Шугнанѣ и Рошанѣ Сеидъ-Акбаръ-Ша, племянникъ послѣдняго правителя Юсуфъ-Али-Хана, казненнаго въ Кабулѣ въ 1883 году.

Къ сожалѣнію, установившійся режимъ просуществовалъ не долго.

Благодаря безпримѣрному великодушію и безкорыстію Россіи, отказавшейся поддержать отложившагося отъ Афганистана Исхакъ-Хана, правителя сѣверныхъ провинцій, эмиру Абдурахманъ-Хану скоро удалось подавить возстаніе и къ іюлю 1889 г. Бадахшанъ былъ уже снова занятъ афганскими войсками, которыя намѣревались пройти въ Шугнанъ, Рошанъ и Ваханъ съ цѣлью вновь занять эти ханства и наказать жителей за измѣну.

Какъ разъ въ это время на Памирѣ находился нашъ путешественникъ Б. Л. Громбчевскій, командированный Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ для изслѣдованія Канджута и возвращавшійся оттуда черезъ Памиръ.

Будучи очевидцемъ печальныхъ событій, явившихся послѣдствіемъ отложенія Шугнана и Рошана, этотъ путешественникъ описываетъ въ яркихъ краскахъ всѣ ужасы, которымъ подвергалось злополучное населеніе Шугнана и Рошана со стороны мстительныхъ афганцевъ.

Вотъ какъ описываетъ Б. Л. Громбчевскій событія этого времени:
„5 іюля экспедиція прибыла въ городъ Кала-и-Хумбъ.

Здѣсь были добыты первыя вѣрныя свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ Памирскихъ ханствахъ.

Оказалось, что Бадахшанъ уже былъ занятъ афганскими войсками, которыя подавляли возстаніе.

Али-Мурданъ-Ша, сознавая невозможность успѣшной борьбы съ эмиромъ Абдурахманомъ и не желая подвергать своей родины всѣмъ ужасамъ азіатской войны, очистилъ Ваханъ по первому письменному требованію Абдурахманъ-Хана и ушелъ обратно въ долину Ишкомана.

Въ Шугнанѣ и Рошанѣ еще держался Сеидъ-Акбаръ-Ша, готовясь къ отчаянной оборонѣ.

Положеніе Сеидъ-Акбаръ-Ша было слѣдующее: въ первыхъ числахъ мая эмиръ Абдурахманъ отправилъ въ Шугнанъ состоящаго у него на службѣ знатнаго шугнанца Ходжа-Назара съ письмомъ къ Сеидъ-Акбаръ-Ша, въ которомъ предлагалъ ему добровольно очистить Шугнанъ, а управленіе страной передать посланцу.

Сеидъ-Акбаръ-Ша захватилъ Ходжа-Назара вмѣстѣ съ братомъ его Мастономъ, тоже афганскимъ офицеромъ, и отправилъ къ извѣстному памирскому разбойнику Саибъ-Назару, приказавъ продать ихъ въ рабство хотя бы за кусокъ веревки. Эта же участь постигла семью Ходжа-Назара и 12 афганцевъ, захваченныхъ въ плѣнъ раньше.

Саибъ-Назаръ распродалъ афганцевъ памирскимъ киргизамъ, Мастономъ подарилъ своему брату, но продать Ходжа-Назара, въ виду его высокаго служебнаго положенія, не рискнулъ, а кружнымъ путемъ черезъ Памиръ и Ваханъ направилъ въ городъ Ишкашимъ и передалъ афганцамъ, получивъ въ вознагражденіе 10 паръ быковъ и мѣшковъ денегъ.

Ходжа-Назаръ, чувствуя себя въ безопасности, написалъ крайне дерзкое письмо къ Сеидъ-Акбаръ-Ша, которое настолько обидѣло послѣдняго, что тотъ немедленно снарядился и во главѣ небольшого отряда силою въ 200—250 коней напалъ на города Ишкашимъ и Зебакъ, занятые слабыми гарнизонами.

Овладевъ городами, онъ захватилъ въ плѣнъ какъ Ходжа-Назара, такъ и афганцевъ.

Слухъ о занятіи Ишкашима и Зебака быстро достигъ до Бадахшана и на выручку посланъ былъ афганскій отрядъ, вынудившій Сеидъ-Акбаръ-Ша бросить занятые города и отступить въ Кала-и-Баръ-Пянджъ.

Ходжа-Назаръ, связанный по рукамъ и ногамъ, брошенъ былъ въ рѣку Пянджъ, гдѣ и утонулъ; плѣнные афганцы отправлены были въ Дарвазъ, откуда прослѣдовали въ Чаръ-Вилаэтъ, а у разбойника Саибъ-Назара, за неисполненіе приказанія, отобрано было 20 штукъ лошадей и много другаго скота.

Все это произошло между 15 и 25 іюня.

Удовлетворяя свое чувство мести, Сеидъ-Акбаръ-Ша ускорилъ развязку собственной участи.

Эмиръ Абдурахманъ, узнавъ о дерзкомъ нападеніи на Ишкашимъ и Зебаъ, приказалъ покончить съ Шугнаномъ.

Изъ Файзабада, черезъ шивинское плоскогорье, двинутъ былъ сильный отрядъ войскъ, въ составѣ около 4,000 человекъ при 8 орудіяхъ; кромѣ того отрядъ въ 2,000 человекъ при 4 орудіяхъ занялъ Горонъ и по долинѣ рѣки Пянджа направился въ Кала-и-Баръ Пянджу.

Операціонный корпусъ находился подъ начальствомъ Ша-Сеидъ-Джарнейя, который, разославъ массу прокламацій къ населенію Шугнана, обѣщалъ полное помилованіе, но требовалъ выдачи Сеидъ-Акбаръ-Ша непременно живымъ.

Населеніе не поддалось на удочку и по мѣрѣ приближенія афганцевъ, началось поголовное переселеніе сначала на правый берегъ Пянджа, а затѣмъ и дальше вверхъ по р. Гунту.

Около 2,000 семействъ направило стариковъ, женъ и дѣтей, а также скотъ и имущество къ озеру Яшиль-Кулю, намѣреваясь частью перейти въ предѣлы Россіи, частью же расселиться въ китайскомъ Сарыколѣ, населенномъ преимущественно выходцами изъ Шугнана.

Въ первыхъ числахъ іюля афганскія войска спустились съ шивинскаго плоскогорья и, остановившись на орудійный выстрѣлъ отъ стѣны Кала-и-Баръ-Пянджа, начали окапываться.

Сеидъ-Акбаръ-Ша, видя значительное количество орудій въ афганскомъ лагерѣ, пришелъ къ заключенію, что ему съ фитильными ружьями, имѣвшимися далеко не у всѣхъ воиновъ, не отстоять столицы, представлявшей значительную цѣль для артиллерійскаго огня, при чемъ скученные въ стѣнахъ укрѣпленія защитники могли понести громадныя потери.

Поэтому, воспользовавшись положеніемъ Кала-и-Баръ-Пянджа на самомъ берегу рѣки, Сеидъ-Акбаръ-Ша бросилъ городъ и со всѣми воинами ночью переправился на гупсарахъ на правый берегъ Пянджа.

Всѣ турсуки и гупсары были убраны на правый берегъ рѣки, разливъ которой достигъ высшихъ размѣровъ, представляя надежный оплотъ противъ афганскихъ полчищъ.

На другой день съ утра началась бомбардировка Кала-и-Баръ-Пянджа, продолжавшаяся до поздняго вечера, не смотря на то, что изъ опустѣвшей крѣпости не было сдѣлано ни одного выстрѣла.

Ночью афганцы убѣдились, что крѣпость брошена шугнанцами и бомбардировки не возобновили, но города не занимали впредь до прихода горанскаго отряда, подоспѣваго только на третьи сутки.

Тогда афганскія войска заняли Кала-и-Баръ-Пянджъ, исправили обрушившіяся стѣны и, укрѣпившись въ городѣ, разослали мелкіе отряды для фуражировки по всему лѣвому берегу Пянджа.

Между тѣмъ, памирскій разбойникъ Саибъ-Назаръ, желая отомстить Сеидъ-Акбаръ-Ша за отнятое у него имущество, вошелъ въ сношеніе съ афганскими войсками, находившимися въ Горанѣ, и черезъ верховья рѣки Шахъ-Дары и рѣки Гунта провель къ себѣ на истоки р. Кудары небольшой кавалерійскій отрядъ силою въ 50—60 человекъ.

Отрядъ этотъ вмѣстѣ съ шайкою Сеибъ-Назара занялъ узкое ущелье р. Бартангъ близъ рошанскаго селенія Орошоръ и укрѣпился за завалами надъ осыпью съ цѣлю задержать Сеидъ-Акбаръ-Ша, намѣревавагося, въ случаѣ неудачи, направиться вверхъ по рѣкѣ Бартангу въ Россію.

Уходить въ предѣлы Бухары Сеидъ-Акбаръ-Ша не хотѣлось въ виду нѣкотораго разлада, наступившаго въ послѣднее время между нимъ и бухарскими властями.

Войска, спѣшившія къ Саибъ-Назару, на верховьяхъ рѣки Гунта наткнулись на партію бѣглецовъ, слѣдовавшихъ къ озеру Яшилъ-Кулю, и расправились съ ними съ неслыханною жестокостью.

Женщины изнасилованы были на глазахъ отцовъ и мужей, дѣти бросались въ пылающіе костры, а затѣмъ вся партія подвергалась поголовному избіенію.

Слухъ о появленіи афганцевъ на верховьяхъ р. Гунта произвелъ панику среди шугнанцевъ.

Бѣглецы, находившіеся у озера Яшилъ-Куля, бросились по р. Аличуру, но близъ урочища Башъ-Гумбезъ наткнулись на отрядъ

китайскихъ войскъ, который оттѣснилъ ихъ обратно къ оверу Янхиль-Кулю.

Другая часть бѣглецовъ повернула обратно по р. Гунту и, явившись въ долину р. Пянджа, рассказами объ афганскихъ звѣрствахъ произвела панику среди войскъ Сеидъ-Акбаръ-Ша.

Многіе изъ шугнанцевъ держались Сеидъ-Акбаръ-Ша, терроризовавшаго страну, частью изъ опасенія подвергнуться немедленному наказанію, тогда какъ афганцы были еще далеко, частью же въ надеждѣ на то, что дороги въ Россію и Кашгаръ, оставаясь свободными, во всякое время представляютъ надежный путь къ спасенію.

Появленіе афганцевъ свади отнимало эту надежду.

Явились перебѣжчики, преимущественно изъ лицъ, служившихъ прежде афганцамъ и оставшихся не у дѣлъ при Сеидъ-Акбаръ-Ша, прокламаціи начали дѣйствовать, а ряды защитниковъ страны рѣдѣть.

Надо отдать справедливость Сеидъ-Акбаръ-Ша, что въ эти трудныя минуты онъ не потерялся.

Предпринявъ цѣлый рядъ партизанскихъ набѣговъ на разбросанные по правому берегу Пянджа афганскіе отряды, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ дѣятельно переправлялъ семейства бѣглецовъ черезъ переваль Акба-и-Еду въ долину Язгулема.

Набѣги производились ночью.

Отряды шугнанцевъ, вооруженные исключительно холоднымъ оружіемъ, высмотрѣвъ небольшой афганскій отрядъ, посланный для фуражировки и занятый молотьбой, или уборкой брошенныхъ полей, переправлялись вплавь на лѣвый берегъ Пянджа и, подойдя скрытно къ афганцамъ, бросались на нихъ въ рукопашную, производя жестокую рѣзню.

Набѣги производились по всей линіи, но особенно удачны были подъ селеніями Юмчъ и Шидвучъ, гдѣ небольшіе афганскіе отряды въ 50—70 человекъ были уничтожены совершенно.

Нападенія эти навели такой ужасъ на афганцевъ, что тѣ не рисковали удалаться на пущечный выстрѣлъ отъ Кала-и-баръ-Пянджа и терпѣли большую нужду въ продовольствіи и въ фуражѣ.

Наконецъ афганцами было заготовлено достаточное количество гупсаровъ, связаны плоты и произведена переправа на правый берегъ р. Пянджа.

Шугнанцы отступили къ крѣпости Кала-и-Вамаръ въ Рошанъ и занялись укрѣпленіемъ береговъ р. Бартанга“.

Пользуясь тѣмъ, что въ это время къ границамъ Рошана подошла экспедиція Б. Л. Громбчевскаго, Сеидъ-Акбаръ-Ша отправилъ ему слѣдующее письмо, характеризующее чувства шугнанцевъ къ русскимъ и свидѣтельствующее объ ихъ страстномъ желаніи сдѣлаться подданными Бѣлаго Царя, о чемъ они просили еще въ 1883 году.

„Завоевателю міра, подобному орлу, великому господину. Да будетъ Вамъ, владѣтелю вселенной, оказывающему помощь, извѣстно, что до настоящаго времени я страну мою считалъ входящею въ составъ владѣній Великаго Бѣлаго Царя, теперь же явились сюда воры-грабители и овладѣли половиною моихъ владѣній. Раньше этого времени о положеніи моемъ я отправилъ донесеніе къ слугамъ Великаго Государя, но отвѣта еще не получилъ.

Довлаживая Вамъ о положеніи дѣлъ, высказываю надежду, что страна моя будетъ принята подъ покровительство Великаго Бѣлаго Царя, воры же убѣгутъ и перестанутъ разорять мою родину.

О послѣдующихъ событіяхъ буду извѣщать васъ своевременно.

Пока Рошанъ находится въ моихъ рукахъ—считайте эту провинцію своими владѣніями.

Что могу я еще добавить къ высказанному?“

Этимъ желаніемъ населенія Шугнана и Рошана не суждено было сбыться тогда же и только въ 1895 году они сдѣлались, да и то не все, подданными Россіи, о чемъ мечтали много лѣтъ и за что перетерѣли такъ много горя.

Въ началѣ августа афганцы подошли къ столицѣ Рошана Кала-и-Вамару и послѣ трехъ неудачныхъ штурмовъ все такъ завладѣли крѣпостью, сдѣлавъ въ ней страшныя опустошенія и перебивъ массу народа.

Сеидъ-Акбаръ-Ша принужденъ былъ отступить въ предѣлы Бухары, такъ какъ верховья Бартанга были заняты афганскими отрядами, отрѣзавшими ему путь отступления въ русскіе предѣлы.

Узнавъ объ этомъ, афганскій отрядъ вернулся съ Бартанга въ Шугнанъ.

Встрѣтивши около Сареза партію бѣглецовъ, отрядъ этотъ вернулъ ихъ обратно, причемъ, разумѣется, не обошлось безъ звѣрствъ и насилій, подобныхъ тѣмъ, какъ было описано раньше.

Боязнъ афганцевъ была настолько сильна, что жители снова попытались направиться въ предѣлы Россіи, бросая скотъ и имущество.

Б. Л. Громбчевскій встрѣтилъ на рѣкѣ Муръ-Объ около 20 семействъ родственниковъ Юсуфъ-Али-Хана, которые были объявлены афганцами внѣ закона и за головы которыхъ назначены были денежныя преміи.

Несчастные обезумѣли отъ страха и бѣжали, бросая все свое имущество и оставляя послѣ себя слѣды въ видѣ массы труповъ животныхъ. Хотя Сеидъ-Акбаръ-Ша съ ничтожной горстью своихъ приверженцевъ давно уже былъ за предѣлами Шугнана и Рошана, афганцы долго еще продолжали производить звѣрскую расправу съ населеніемъ, безпрекословно покорившимся завоевателямъ.

Афганцы не знали границъ своей свирѣпости и въ это время страна представляла такую ужасную картину, какая не всегда возможна даже въ Азіи и какую воображеніе европейца не можетъ даже представить себѣ.

Казнивъ массу жителей, заподозрѣнныхъ въ сочувствіи къ Сеидъ-Акбаръ-Ша, уничтоживъ цѣлыя кишлаки и ихъ поля, афганцы отправили въ Кабулъ около 600 мальчиковъ, дѣтей вліятельныхъ лицъ, а всѣхъ дѣвушекъ и болѣе красивыхъ женщинъ частью тоже отправили въ гаремъ эмиру, а частью роздали въ наложницы войскамъ.

Вскорѣ управленіе страной изъ рукъ главнокомандующаго Ша-Сеидъ-Джарнейля перешло въ губернатору, избранному изъ мѣстныхъ жителей, который поселился въ Кала-и-Баръ-Пянджѣ, вмѣстѣ съ афганскимъ гарнизономъ.

Населеніе вздохнуло свободѣе — теперь его душили только тяжелыми налогами, но по крайней мѣрѣ не чинили надъ нимъ всякихъ звѣрствъ и насилій.

Съ появленіемъ русскихъ на Памирѣ въ 1891 году у таджиковъ Шугнана снова явилась надежда на то, что ихъ страна будетъ присоединена къ Россіи и что наступитъ конецъ ихъ мученіямъ.

Въ 1894 году, когда русскіе отряды, пройдя по Шахъ-Дарѣ и Гунту и заставивъ афганцевъ уйти съ праваго берега Пянджа, соединились вмѣстѣ и простояли нѣкоторое время въ Харохѣ въ 3—4 верстахъ отъ Кала-и-Баръ-Пянджа, надежды шугнанцевъ, казалось, начали осуществляться.

Но... жестокая судьба еще разъ посмѣялась надъ многострадальнымъ народомъ и заставила его выдержать еще одно испытаніе.

Въ сентябрѣ пошелъ обратно изъ Шугнана отрядъ, а за нимъ потянулись вереницы бѣглецовъ, виноватыхъ лишь въ томъ, что они вѣрой и правдой служили русскимъ, чѣмъ и навлекли на себя гнѣвъ афганцевъ.

Много семействъ направилось зимовать на суровый Памиръ, безъ жилищъ, безъ средствъ къ существованію.

Но, благодаря Бога, подъ кровомъ русскаго флага, недалеко отъ памирскаго поста, они нашли средства къ существованію и при томъ средства къ безопасному существованію подъ сѣнью російскихъ законовъ.

Это испытаніе, надо думать, было послѣднимъ, такъ какъ съ проведеніемъ границы по рѣкѣ Пянджу большая часть населенія Шугнана оказалась въ нашихъ предѣлахъ, а меньшинство жителей лѣваго берега будетъ имѣть полную возможность всегда укрыться отъ афганцевъ, въ рукахъ которыхъ, къ сожалѣнію, осталась эта часть Шугнана.

1895 годъ, годъ присоединенія Шугнана къ Россіи, будетъ эрой новой, счастливой жизни населенія страны, которое всегда тяготѣло къ русскимъ, любило ихъ, ждало какъ величайшаго счастья сдѣлаться подданными Великаго Блага Царя и чувства котораго къ Россіи не поколебались нисколько, не смотря на то, что они служили главною причиною всѣхъ несчастій, перенесенныхъ этимъ многострадальнымъ и симпатичнымъ народомъ.

III.

Значеніе Шугнана для Россіи.

Вслѣдствіе разграниченія, произведеннаго лѣтомъ 1895 года на Памирѣ, большая часть территоріи Шугнаискаго ханства, а именно долины рѣкъ Гунта, Шахъ-Дары и правый берегъ Пянджа вошли въ составъ Россійской Имперіи.

Вновь приобрѣтенная бѣдная и малонаселенная страна сама по себѣ не представляетъ почти никакого интереса, кромѣ развѣ научнаго, и если Россія энергично настаивала на присоединеніи ея къ своимъ владѣніямъ, то, разумѣется, по соображеніямъ совершенно особаго рода, по соображеніямъ чуждымъ матеріальнымъ выгодамъ.

Присоединеніе Шугнана къ русскимъ владѣніямъ имѣетъ прежде всего принципиальное значеніе, какъ фактъ, способствующій усиленію престижа, которымъ Россія пользовалась и пользуется въ настоящее время у народовъ Средней Азіи.

Извѣстно, что по англо-русскому соглашенію 1872—1873 г. большая часть Вахана и Шугнана и весь Рошанъ, какъ лежащіе на правомъ берегу рѣки Пянджа, должны быть въ сферѣ вліянія Россіи.

Соглашеніе это было нарушено Англіей, ханства были заняты авганцами и Россія примирилась съ этимъ фактомъ только благодаря печальной необходимости, благодаря неблагоприятнымъ политическимъ обстоятельствамъ, которыя давно уже измѣнились въ нашу пользу, вслѣдствіе чего Россія за послѣднее время могла гораздо настойчивѣе предъявлять свои законныя требованія.

Сдѣлать и теперь уступку—это значило бы уронить себя въ глазахъ народовъ Средней Азіи и, наоборотъ, настоять на своемъ—значить поднять свой престижъ.

Выбирать здѣсь не приходилось и присоединеніе Рошана и большей части Вахана и Шугнана—совершившійся фактъ.

Переходя затѣмъ къ разсмотрѣнію того, какое значеніе можетъ имѣть для Россіи Шугнанъ, необходимо оговориться, что трактовать объ этомъ можно лишь совмѣстно съ разсмотрѣніемъ

вопроса о значеніи для Россіи Памирскаго Нагорья, въ западныхъ предгорьяхъ котораго расположено это ханство.

Что же касается значенія для Россіи Памира, то достаточно взглянуть на карту, чтобы сразу увидѣть, что, благодаря своему выдающемуся положенію между китайскимъ Кашгаромъ и сѣверными провинціями Афганистана, онъ можетъ имѣть огромное значеніе въ случаѣ столеновенія нашего съ этими сосѣдями.

Главное же обстоятельство, благодаря которому Памиръ имѣетъ для насъ особенное значеніе, заключается въ томъ, что Памиръ граничитъ на югѣ съ Индіей и такимъ образомъ здѣсь мы входимъ въ непосредственное соприкосновеніе съ индійскими владами Англіи.

Послѣднее обстоятельство, весьма нежелательное для Англіи, имѣетъ громадное значеніе и можетъ оказать существенное вліяніе на характеръ нашихъ отношеній къ Англіи въ Средней Азій.

Въ случаѣ нашего столеновенія съ Англіей главныя наши силы направятся, разумѣется, черезъ Герать, справедливо называемый „воротами въ Индію“,—но вмѣстѣ съ тѣмъ весьма полезно будетъ двинуть хотя бы небольшой отрядъ черезъ „божьи ворота“, каковыми можетъ считаться, безспорно, Памиръ, къ границамъ Читрала, Ясина, Канджута и Кашмира, присоединенныхъ къ Индіи еще недавно и считающихся ненадежными.

Появленіе даже незначительнаго отряда на границѣ Кашмира заставитъ англичанъ не только отказаться отъ мысли воспользоваться кашмирскими войсками, но даже заставить увеличить ихъ численность изъ боязни возстанія, а это значительно ослабитъ силы главнаго операціоннаго корпуса.

Если принять въ соображеніе, что движеніе по Памиру войскъ, какъ показали опыты, вполне возможно и не сопряжено съ какими либо непреодолимыми препятствіями, что при заблаговременной подготовкѣ движеніе войскъ можетъ быть вполне хорошо организовано и исполнено быстро, и что, наконецъ, нѣкоторые перевалы въ Гинду-Кушѣ удобопроходимы, а населеніе ханствъ, расположенныхъ на южныхъ склонахъ этого хребта, относится къ намъ сочувственно, то нельзя не признать, что Памиръ можетъ оказать намъ неоцѣнимыя услуги.

Обращаясь собственно къ Шугнану, нужно указать, что при разработкѣ дорогъ въ его предѣлахъ по правому берегу рѣки Пянджа, а также по Гунту, или Шахъ-Дарѣ, онъ можетъ служить для движенія войскъ изъ предѣловъ Бухары, изъ Дарваза и Кара-тегина къ Гинду-Кушу и вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ служить продовольственной базой для памирской колонны, направленной изъ Ферганы по восточной части нагорья.

Такимъ образомъ въ случаѣ военныхъ дѣйствій значеніе Шугнана не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Что же касается мирнаго времени, то въ виду того, что въ предѣлахъ Памира и Памирскихъ ханствъ намъ положительно необходимо содержать хотя бы небольшой постоянный отрядъ войскъ, который стоялъ бы на стражѣ нашихъ интересовъ, слѣдилъ за положеніемъ дѣлъ на границѣ и охранялъ мѣстныхъ жителей отъ возможныхъ посягательствъ сосѣдей, Шугнанъ пріобрѣтаетъ важное значеніе и въ этомъ случаѣ, такъ какъ наиболѣе удобно будетъ расположить нашъ отрядъ не въ восточной пустынной и безлюдной части Памира съ суровымъ климатомъ, а въ предѣлахъ этого ханства, въ мѣстности культурной, съ хорошимъ климатомъ, въ мѣстности продородной и населенной, способной доставить для отряда многіе жизненные припасы и тѣмъ значительно удешевить его содержаніе.

Наиболѣе удобнымъ мѣстомъ для расположенія нашего отряда въ Шугнанѣ будетъ сліяніе рѣкъ Гунта и Шахъ-Дары, совмѣщающее въ себѣ всевозможныя выгоды и преимущества.

Дѣйствительно, въ *стратегическомъ* отношеніи этотъ пунктъ, лежащій въ центрѣ ханства и въ узлѣ дорогъ, ведущихъ отъ Пянджа на Памиръ, не оставляетъ желать большаго.

Въ *тактическомъ и фортификаціонномъ* отношеніяхъ это мѣсто, лежащее въ наиболѣе широкой части долины, хотя и обладаетъ недостатками, въ родѣ близости командующихъ высотъ, но всетаки является лучшимъ мѣстомъ, тѣмъ болѣе, что съ подобными недостатками приходится по необходимости мириться при расположеніи укрѣпленій въ горныхъ мѣстностяхъ.

Въ *хозяйственномъ* отношеніи этотъ пунктъ, лежащій въ наиболѣе культурной и населенной части ханства, безупреченъ

*

и содержаніе отряда, здѣсь расположеннаго, будетъ стоить наиболѣе дешево.

Въ климатическомъ и санитарномъ отношеніяхъ это мѣсто, гдѣ произрастаетъ даже виноградъ, совершенно удовлетворительно и содержаніе здѣсь отряда исключаетъ необходимость мѣнять составъ его непремѣнно ежегодно, какъ это необходимо для восточной части Памира, а это удешевитъ содержаніе отряда и значительно сократитъ расходы.

Въ административномъ отношеніи, въ смыслѣ управления населеніемъ, этотъ пунктъ, лежащій въ центрѣ ханства и въ мѣстности наиболѣе густо населенной, тоже не оставляетъ желать лучшаго.

Наконецъ,—въ строительно-техническомъ отношеніи, въ виду необходимости возведенія укрѣпленія и жилыхъ помѣщеній для гарнизона, этотъ пунктъ является наиболѣе подходящимъ, такъ какъ даетъ возможность въ широкихъ размѣрахъ пользоваться мѣстными рабочими силами и строительными матеріалами, изъ которыхъ главнѣйшій, какъ напримѣръ камень, имѣется по близости, или, напримѣръ дерево, могутъ быть доставлены сплавомъ по рѣкамъ Гунту и Шахъ-Дарѣ.

При такихъ условіяхъ операція постройки укрѣпленія и зданій обѣщаетъ быть сравнительно не трудной и дешевой.

Если къ означенному прибавить разработку дорогъ по Панджу и въ западную часть Памира, а также устройство небольшого наблюдательнаго промежуточнаго поста на мѣстѣ нынѣшняго Памирскаго поста, то можно будетъ смѣло сказать, что отрядъ, расположенный въ Шугнанѣ при сліяніи Гунта и Шахъ-Дары, выполнитъ блестяще свое назначеніе и будетъ обезпеченъ во всѣхъ отношеніяхъ.
